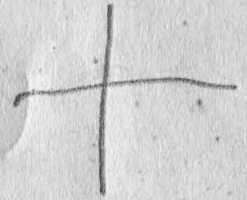

1914 №3
Любовь къ туретъ
ателъсимамъ
Журналъ Доктора
Данертуртто.

1-й экз. ✓

~~А 2/54~~

Любовь къ тремъ
ателъскимъ
Журналъ Доктора
Датертуртто.

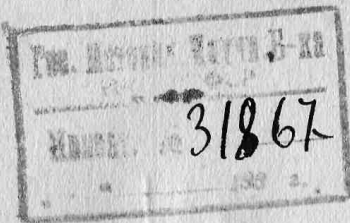

3

258

By

1914

СОДЕРЖАНИЕ.

	СТР.
Стихи: Э. Сологуба, В. Парноха, Сергѣя Раднова и Конст. Эрберга	5
К. А. Вогакъ. О театральныхъ маскаxъ	11
Евгеній Зноско-Боровскій. Обращенный принцъ	17
К. Миклашевскій. Основные типы въ „commedia dell'arte“	73
Владиміръ Соловьевъ. Къ исторіи сценической техники commedia dell'arte, 3	79
Вл. Лачиновъ. Искусство и ремесло	85
Hoffmaniana, 3	87
Сергѣй Радловъ. Новыя комедіи Менандра, книга Г. Ф. Церетели	90
Хроника	92

СОДЕРЖАНИЕ КНИГИ 4-ой.

А. Блокъ. Кармень (циклъ стиховъ).—Вольмаръ Лусциниусъ. Прологи къ интермедіямъ.—Вс. Мейерхольдъ. Гротескъ.—Владиміръ Соловьевъ. Къ исторіи сценической техники commedia dell'arte: Антонъ Крайній. Замѣтка. С. С. Игнатовъ. Э. Т. А. Гоффманъ на сценѣ. 4.—Евгеній Зноско-Боровскій. О книгахъ Н. Н. Евреинова.—Hoffmaniana, 4.—Студія.—Хроника.—Errata.

Книга 4-ая выйдетъ въ августъ.

Книга 5-ая (выйдетъ въ октябрѣ) посвящается памяти М. Ю. Лермонтова (обложка художника А. Я. Головина).

Le persone perspicaci, spiritose, ed argute, atte ad appagare anche i risvegliati talenti, le quali rappresentano le antiche maschere della nostra Commedia improvvisa, soccorse dagli scorci naturali, e dai loro caratterizzato vestiaro faceto, hanno l'arma d'un ridicolo tanto marcato, preciso, materiale, ed efficace, che non potrà mai essere scemato nel suo effetto sul popolo, il quale averà sempre il diritto di godere di ciò, che gli piace, di ridere a ciò, che lo solletica, e di non badare a' mascherati Catoni, i quali non vogliono, ch' egli senta piacere di ciò, che gli piace.

CONTE CARLO GOZZI.

ТРИОЛЕТЪ.

Пройдутъ всѣ эти дни, вся жизнь сохнетъ наша,
Какъ мимолетный сонъ, какъ цѣпь мгновенныхъ сновъ.
Останется едва немного вѣщихъ словъ,
И только ими жизнь оправдана вся наша,
Отравами земли наполненная чаша,
Кой какъ слѣпленная изъ радужныхъ кусковъ.
Истлѣютъ наши дни, вся жизнь сохнетъ наша,
Какъ ладанъ изъ кадилъ, какъ дымъ недолгихъ сновъ.

ЕЕДОРЪ СОЛОГУВЪ.

АРАБЪ.

М. Ф. ГНѢСИНУ.

Въ спокойствіи размѣрныхъ, строгихъ дней
Внезапно сердце—радостно и слабо.
Что можетъ быть нежданнѣй, что страннѣй?—
Здѣсь, въ Петербургѣ, встрѣтилъ я араба.

Трамвай на мигъ дорогу пересѣкъ...
Не вѣрилъ я: бурнуса цвѣтъ верблюжій
Мелькнулъ вдали, и въ фескѣ чловѣкъ
Нагнулся обувь завязать потуже.

О, въ этотъ городъ твердости и тьмы
Какъ могъ араба странный рокъ забросить?
Другъ другу сразу улыбнулись мы!
Веселый взглядъ и въ бородѣ ужъ просѣдь.

Цвѣтного шарфа сладостенъ узоръ.
Бѣлѣтъ поясъ и желтѣтъ посохъ,
Бурнусъ—черезъ плечо, святой уборъ.
Арабъ идетъ межъ сѣрыхъ и курносыхъ

Названья слышу (древнія слова)
Дамаска, Виелеема, Йемена.
Земля обѣтованная жива!
А эта жизнь—вѣковъ и лѣтъ измѣна.

В. ПАРНОХЪ.

Я вѣрю, объятя жарки, я вѣрю, лобзанья жгучи,
Я вѣрю, что могутъ душу они всколыхнуть до дна.
И все-жъ я знаю мгновенья томительнѣе и лучше,
И все-жъ я знаю минуту, которая—одна.

А впрочемъ все это было обыденно и просто,
Во тьмѣ смѣшалось море и даль ночныхъ небесъ.
Мы всѣ прошлись по бульвару, отъ пристани и до моста,
Зашли въ кинематографъ подъ легкій лѣтній навѣсъ.

Смотрѣли, какъ на безпокойномъ и вздрагивавшемъ экранѣ
Съ нелѣпою гримасой нѣмая корчилась тѣнь.
Пускай когда-либо сердце объ алой плакало ранѣ,
Былъ весь я въ ту минуту, какъ трезвый осенній день.

Но мы—ахъ, совсѣмъ случайно!—другъ на друга взглянули
вплотную,
И Ваши зрачки темнѣли у самыхъ моихъ зрачковъ,
И мы понеслись, задыхаясь, на гору какъ смерчъ крутую.
И стало вокругъ бездонно, и стало вокругъ ничто.

Я вѣрю, объятя жарки, я вѣрю, лобзанья жгучи,
Я вѣрю, что могутъ душу они всколыхнуть до дна.
И все-жъ я знаю мгновенья томительнѣе и лучше,
И все-же эта минута до сихъ поръ осталась одна.

СЕРГѢЙ РАДЛОВЪ.

„БОЛЬШОЙ КАПРИЗЪ“.

На тѣлѣ розовыхъ колоннъ
Слѣды толпы, идущей мимо.
Храмъ придорожный оскверненъ,
Но Красота неосквернима.

Закатъ далекій потускнѣлъ,
Но розовѣетъ мраморъ стройный,
Неся красу воздушныхъ тѣлъ
Всю въ ранахъ фразы непристойной.

Люблю и въ злѣ свою мечту,
Уродство въ мѣрѣ неизбежно,
И я цѣлую Красоту,
Безстыдныхъ словъ касаясь нѣжно.

КОНСТ. ЭРБЕРГЪ.

Царское Село.

Юнь, 1910.

О ТЕАТРАЛЬНЫХЪ МАСКАХЪ.

Когда актеръ древне-греческой трагедіи надѣвалъ свою маску и становился на свои котурны, онъ зналъ, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ. Не для того, чтобы съ помощью раструба у рта сдѣлать громче свой голосъ, и не для того, чтобы прибавить себѣ росту и стать виднѣе для многотысячной толпы. Ему надо было придать себѣ черты религіознаго величія, надо было перестать быть тѣмъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Вѣдь, становясь на театральныя подмостки, актеръ становился какъ бы служителемъ Діониса, тѣмъ священнымъ лицомъ, на которое возлагалось дивное таинство очищенія путемъ страха и состраданія. Греческій трагическій актеръ могъ и хотѣлъ надѣвать свою маску потому, что вѣрилъ въ религіозное значеніе миеа, лежавшаго въ основѣ представляемой имъ трагедіи. Недаромъ на римской почвѣ трагическій актеръ, утративъ вѣру, утратилъ и маску, выдѣлявшую его изъ круга людей-зрителей въ кругъ боговъ и героевъ.

Пусть одинъ изъ элементовъ древне-аттической комедіи—элементъ личной насмѣшки—развился изъ религіозныхъ моментовъ сельскихъ Діонисій. Это былъ наименѣе устойчивый элементъ—онъ вмѣстѣ съ фантастичностью содержанія заглохъ въ средней и новой комедіи и совершенно не могъ привиться въ Римѣ. Второй элементъ—насмѣшка бытовая, бытовой юморъ—былъ не іоническаго, а дорическаго происхожденія, пришелъ въ Аттику изъ Сициліи.—И для насъ знаменательно, что костюмъ греческаго комическаго актера—съ его гротесковой маской, накладными подушками, короткимъ хитономъ и нѣкоторыми обценными

особенностями—быль похожъ на костюмъ уродцовъ-фліаковъ изъ Великой Греціи, тѣхъ самыхъ фліаковъ, которые помимо бытовыхъ сюжетовъ разыгрывали еще и пародіи на сюжеты мифологическіе. И комическая маска отдѣляла актера отъ зрителя. Недаромъ въ такъ называемой парабазѣ хоръ сбрасывалъ съ себя маски и театральныя одежды и говорилъ съ публикой съ просцениума—уже не какъ хоръ съ корифеемъ во главѣ, а какъ группа хористовъ подъ руководствомъ хорега. Только трагическая маска была и осталась до конца религіозной, а маска комическая, если и носила когда то культовой характеръ, то быстро утратила его и всецѣло отдала себя гротеску.

Однако, не грекамъ и не греческой комедіи суждено было выявить существо маски до конца. Сдѣлали это жители Италіи—этруски, оски, латиняне, римляне, итальянцы. Правда, ни начатки римской комедіи въ фесценнинахъ, ни римская подражательная комедія—*comœdia palliata*, ни даже національная литературная *comœdia togata* не пошли въ этомъ отношеніи много дальше греческой бытовой комедіи. Какъ и у грековъ, мы встрѣчаемъ здѣсь все тѣ же характеры—скупого суроваго отца, благодушную мать, распутника и мота сына, мошенника раба, капризную жену, паразита, забіяку-военнаго и т. д. Эти характеры повторяются постоянно, но они не достигаютъ еще послѣдней завершенности гротеска. Лишь съ появленіемъ въ Римѣ ателланъ, съ ихъ закрѣпленіемъ характерныхъ типовъ въ образѣ традиціонныхъ масокъ элементъ гротеска достигаетъ своего полного развитія. Этихъ традиціонныхъ масокъ четыре—простаки *Maccus*, толстощекий обжора и болтунъ, трусь и плуть *Vicco*, богатый, скупой и глупый старикъ *Pappus* и философъ и ученый, невѣжда и шарлатанъ *Dorsenus*. Ателланы, въ развитіи своемъ оставивъ деревенскіе и провинціальныя сюжеты, обратились за сюжетами къ *comœdia palliata* и *comœdia togata*, даже пародировали греческія трагедіи, даже вводили элементъ фантастическій. Естественно пришлось вводить особыя, новыя или удваивать основныя

маски. Интересны маски получудовищныя: обжора—*Manducus*, пожиравшія дѣтей старухи *Lamiae* и пр.

Однако, основой ателланъ оставались всегда четыре традиціонныя маски—*Maccus*, *Vicco*, *Pappus* и *Dorsenus*. Имъ суждена была долгая жизнь—онѣ стали основными масками итальянской импровизованной комедіи, *commedia dell'arte*. Онѣ стали называться: *Pulcinella*, *Brighella*, *Pantalone*, *Dotto*. Это было завершеніемъ пути нерелигіозной маски, маски гротеска.

Сливаясь съ новыми формами и сюжетами, эти маски подчасъ давали въ эстетическомъ отношеніи очень цѣнный матерьялъ. Такъ, въ очаровательныхъ театральныхъ сказкахъ Гоцци эти маски создаютъ какъ бы неподвижный и знакомый фонъ, на которомъ мелькаютъ и движутся прочія созданія его фантазіи—даже каррикатуры на современниковъ, даже звѣри.

До сихъ поръ было ясно, что называлось въ театрѣ маской. Это и была маска, *maschera*, *маскѣра*, личина—то, что надѣвалось на лицо, чтобы скрыть его, замѣнивъ. Безъ всякой метафоры, безъ всякаго иносказанія.

Съ тѣхъ поръ маска прошла громадный путь, и въ настоящее время не всегда бываетъ легко понять значеніе, въ которомъ употребляютъ это слово въ тѣхъ или иныхъ случаяхъ. За древней маской часто, если не всегда, скрывалась опредѣленная внутренняя сущность—отсюда всякій установившійся театральный типъ стали называть маской. Маска была личиной, скрывающей лицо—всякое притворство стали называть маской (маска равнодушія, маска спокойствія). И такъ далѣе, и такъ далѣе. Невыясненность въ этой области такъ велика, что иногда авторы, сами того не замѣчая, въ одной и той же статьѣ употребляютъ слово *маска* какъ будто въ различныхъ значеніяхъ. Такъ, напр., Георгій Чулковъ въ статьѣ „Глухіе выстрѣлы“ *) съ

*) См. „Отклики“ (прилож. къ газ. „День“), № 1 за 1914 г., стр. 4—6.

одной стороны, называя „Каинову печать“ Л. Андреева „балаганчиком“, именуешь дѣйствующихъ лицъ этой пьесы масками (не потому ли, что они, какъ онъ говоритъ, „какъ будто настоящіе“, что ихъ души „какъ будто перестали быть живыми“). Съ другой стороны въ этой же статьѣ онъ про героевъ пьесы Э. Сологуба „Любовь надъ безднами“ говоритъ— „Это просто условныя маски для одного лица“, указывая, что Сологубъ не назвалъ ихъ даже по имени. М. Волошинъ въ статьѣ „Лица и маски“ *), разбирая типы современнаго французскаго театра, упоминаетъ маску резонера, маску англичанина, маску янки, маску еврея, маску честнаго человѣка, маску „мятежницы“. Ясно, что слово маска у Г. Чулкова и у М. Волошина имѣетъ совершенно различный смыслъ.

Прежде всего приходится отграничиться отъ слова маска въ смыслѣ маски случайной, мелькающей ненадолго, и совершенно или почти совершенно лишенной внутренняго смысла, маски маскарадной. Однако, маски этого типа часто играютъ замѣтную роль въ произведеніяхъ искусства (правда, рѣже въ театрѣ). Ихъ любилъ вводить въ свои рассказы Э. Т. А. Гоффманъ. Таково красное домино Николая Аполлоновича въ романѣ А. Бѣлаго „Петербургъ“.

Слѣдующее значеніе слова маска, болѣе далекое отъ его традиціоннаго значенія — это маска символическая. Маскарадная маска, маска античной комедіи, маска *commedia dell'arte*—реальны, все равно, будетъ эта реальность истинной или фантастической. Маски символическія теряютъ даже и этотъ признакъ. За ними можетъ не скрываться никакая реальность. Такова Маска Красной Смерти у Эдгара По. Когда на „пиру во время чумы“ въ залахъ замка появляется эта страшная маска въ погребальныхъ одеждахъ, съ лицомъ трупа, покрытымъ отвратительными пятнами, принцъ Проперо пускается преслѣдовать ее. И когда въ черной ком-

*) См. его книгу „Лики творчества“, т. I, изд. „Аполлона“, СПБ. 1914 г., стр. 193—290.

натъ съ пурпуровымъ окномъ, въ тѣни большихъ эбеновыхъ часовъ съ незнакомца срываютъ маску, за этой маской не оказывается рѣшительно ничего. Это проникла въ замокъ Красная Смерть. Маски символическія вводятся иногда и въ театральныя произведенія—напр. у Л. Андреева.

Наиболѣе распространеннымъ изъ вторичныхъ значеній слова маска является, однако, то значеніе, которое придалъ этому слову М. Волошинъ въ своей книгѣ „Лики Творчества“. Здѣсь маска становится обобщеннымъ типомъ, театральнымъ трафаретомъ, традиціонной фигурой, понятной съ перваго взгляда и драматургу и публикѣ. М. Волошинъ утверждаетъ, что эти маски съ теченіемъ времени мертвѣютъ и лишаются занимательности. „Такова общая судьба театральныя масокъ“, говоритъ онъ:— „вначалѣ онѣ бывають живыми фигурами, если и не взятыми изъ жизни, то одаренными призрачной реальностью, а послѣ отъ чрезмѣрнаго употребленія начинаютъ стираться, становятся отвлеченными схемами, потомъ маріонетками, потомъ карикатурами. Сценическая ихъ живучесть объясняется всегда какими-нибудь моральными, дидактическими или техническими удобствами, съ ними связанными“ *). Такого тяжелаго упрека не слышно было даже по адресу маски случайной и маски символической. Относительно этихъ масокъ никто не сомнѣвался въ томъ, что онѣ выводятся изъ побужденій чисто эстетическихъ, художественныхъ. Отчего же съ масками М. Волошина дѣло обстоитъ совершенно иначе? Въ сущности, слово маска примѣнено у Волошина въ чисто метафорическомъ смыслѣ: собственно маски ни резонеры, ни евреи, ни путешественники, ни инженеры на современной французской сценѣ не носятъ. Точно также въ античной греческой и римской комедіи дѣйствующія лица, по существу такіе же театральные трафареты, какъ и типы французской комедіи, не могли бы называться масками, если бы не носили маски на лицѣ. Въ нихъ не произошло еще неуничтожимаго

*) См. „Лики Творчества“, стр. 265—266.

слиянiя сущности типа съ внѣшностью маски, даже съ именемъ маски, того слиянiя, совершеннаго въ манерѣ преувеличенной пародii, какое мы видимъ въ ателланахъ и въ commedia dell'arte. Только ателланы и commedia dell'arte, доведя самую маску до крайней степени гротеска, закрѣпили ее, выводя на сцену неизмѣнные типы подъ неизмѣнными традиционными масками. Какъ бы ни мѣнялось содержанiе пьесы, обстановка, второстепенныя лица, — маски и снаружи и внутри оставались совершенно неподвижными. Въ этомъ случаѣ едва ли можно говорить о томъ, что онѣ могли стираться отъ чрезмѣрнаго употребленiя. Процессъ стираниа шелъ до ихъ окончательнаго закрѣпленiя. Но это было стирание художественное подъ знакомъ гротеска: стиралось то, что не нужно, оставлялось то, что нужно и важно. Отъ такого стираниа маски не только не теряли своей художественной цѣнности, но, наоборотъ, только выигрывали въ эстетическомъ смыслѣ. Примѣненiе такихъ масокъ въ технику сцены опредѣлялось, конечно, не внѣшними условiями морали, дидактики, техники или рутини, а условiями внутренними, условiями художественнаго творчества.

Маска въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляли это слово ателланы и commedia dell'arte, останется всегда могучимъ эстетическимъ факторомъ въ театральномъ дѣлѣ. Такая маска едва ли вызоветъ противъ себя возраженiя, подобныя возраженiямъ М. Волошина. Нужно только умѣть пользоваться этой маской въ эстетическомъ планѣ, какъ умѣлъ пользоваться ею Гоцци, какъ сумѣлъ воспользоваться ею А. Блокъ въ „Балаганчикѣ“. Надо умѣть ввести маску въ общiй ходъ пьесы и не мѣшать ей жить особой жизнью въ томъ особомъ мiрѣ, для котораго она родилась и въ которомъ она выросла — въ мiрѣ гротеска.

К. А. ВОГАКЪ.

Моей женѣ.
Евг. З.-Б.

ОБРАЩЕННЫЙ ПРИНЦЪ.

70912
Комедiя въ трехъ дѣйствiяхъ Евгенiя Зноско-Боровскаго.
Стихи М. Кузмина.

Исполнялась въ Петербургѣ, на сценѣ театра „Домъ Интермедiй“, въ 1910 и 1911 годахъ, въ постановкѣ Доктора Дапертутто, съ музыкой М. Кузмина, въ декорациахъ и костюмахъ С. Ю. Судейкина.

Къ представлению дозволено. Спб., 28 Апрѣля 1914 г. № 6348.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Великій Герцогъ Камарилльскій.
Пабло, его сынъ, наслѣдный принцъ, потомъ Герцогъ,
позднѣе Король.
Донъ-Дьего } друзья Принца.
Донъ-Джованни }
Бенедиктиссимусъ.
Канцлеръ.
Старый преданный слуга во дворцѣ.
Цыфиркино } придворные ученые.
Кутейкадо }
Донъ-Себастьяно, грандъ.
Толстый Пинтуччи, хозяинъ таверны „Бычій Глазь“.
Тореро Баско.
Отшельникъ.
Рыцарь.
Готтфридъ Безрукій, предводитель крестоносцевъ.
Эльвира, танцовщица изъ Долиды.
Прекрасная Анна.
Анжелика.
Первая ключница.
Старая аббатесса.
Кармелитки.
Нищенка и продавщица цвѣтовъ.
Народъ, воины, слуги, посѣтители таверны, альгвазилы,
рыцари, матросы, раненые, женщины.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Сцена 1.

Улица въ городѣ Санъ-Матильда, столицѣ герцогства Камариллья. Вечеръ. Луна.

Слѣва выходитъ Донъ-Себастьяно съ зажженнымъ фонарикомъ и гитарой въ рукахъ, ставитъ фонарикъ на землю и начинаетъ пѣть серенаду, аккомпанируя на гитарѣ, закатывая глаза, вздыхая и вытирая съ лица потъ.

Донъ-Себастьяно (поетъ).

Приходитъ ночь въ лазоревой порфирѣ,
Меня жъ томятъ мечтанья о Эльвирѣ.
Эльвира, ахъ! не знаетъ мукъ моихъ,
Не для нея звучитъ влюбленный стихъ.
Пускай мой стонъ разсѣется въ эфирѣ,—
Эльвирѣ нѣтъ подобной въ цѣломъ мірѣ,
И даже вѣтеръ дѣлается тихъ,
Едва коснется губокъ дорогихъ...

(Справа выбѣгаетъ, торопливо и испуганно, прекрасная Анна; фонарикъ едва мерцаетъ въ ея рукѣ).

Донъ-Себастьяно (загораживая дорогу). Куда спѣшить прелестная сеньора?

Прекрасная Анна (роняя фонарикъ, который тухнетъ). Ай! Кто такой? Что вамъ нужно? Отпустите...

Донъ-Себастьяно. Одинъ поцѣлуй, и ты свободна...

Прекрасная Анна. Вы ошибаетесь, милостивый государь. Я—гордая испанка и цѣлую только тѣхъ, кого люблю.

Донъ-Себастьяно. А двѣ пезеты тебя не соблазнятъ?

(Справа, съ крикомъ и шумомъ, выбѣгаютъ Принцъ и его вѣрные друзья: Донъ-Дьего и Донъ-Джованни).

Дьего (еще изъ-за сцены). Лови, держи ее!.. Аха!.. Что это? Она не одна?

Принцъ. Прочь, бездѣльникъ, или я проучу тебя этой рапирой... Эта женщина—моя!

Джованни (послѣдній, издали, одинъ съ фонарикомъ). Уходите, почтенный сеньоръ, это отчаянные ребята...

Донъ-Себастьяно. Эти малокососы? Ха-ха... Сколько васъ тамъ, выходи, всѣхъ я васъ нанижу на свою аннунциату... (Прекрасная Анна, пользуясь замѣшательствомъ и тѣмъ, что на нее не обращаютъ вниманія, незамѣтно скрывается влѣво, взявъ фонарикъ Дона-Себастьяно).

Принцъ (прыгая на почтительномъ разстояніи и размахивая рапирой). Вытаскивай свое гусиное перо!..

Дьего (повторяя Принца). Пожалуйста!.. Хо-хо!.. Я готовъ!..

Джованни (издали). Ваше высочество... Кажется, это довольно смѣлый сеньоръ... Можетъ быть, не стоитъ его убивать? Лучше—уйдемъ...

Донъ-Себастьяно (тщетно старался вытащить рапиру). Вотъ незадача... Я надѣлъ фальшивую рапиру... Ну, ваше счастье... Убирайтесь къ чорту и благодарите Бога, что остались живы... (начинаетъ тренькать на гитарѣ).

Принцъ (ободрясь). Аха, испугались!.. Нѣтъ, ужъ теперь извольте драться...

Дьего. Храбрецъ... Текай до ляса, ну!.. скорѣе!..

Донъ-Себастьяно. Да будетъ вамъ... надоѣли. Видите вѣдь, что я дѣломъ занятъ, зарабатываю деньги... (поетъ).

Вотще въ тиши бряцаю я не лирѣ,

Все о Эльвирѣ, о моемъ кумирѣ...

Джованни. Молите о милосердіи, почтенный сеньоръ, и уходите...

Принцъ. Сеньоръ, поведеніе ваше не достойно камарильскаго гранда...

Донъ-Себастьяно. Вотъ прилипало-то... (поетъ).

Эльвира, ахъ! не знаетъ мукъ моихъ...

Принцъ. Я буду принужденъ во второй разъ проткнуть вашу жалкую утробу...

Дьего. Ваше высочество! На этотъ разъ позвольте мнѣ отправить на тотъ свѣтъ этого уважаемаго сеньора...

Принцъ. Хорошо. Я уступаю тебѣ. Коли!

Дьего. А! Ну, сеньоръ, готовьтесь, готовьтесь къ мучительной смерти и не ждите отъ меня пощады!.. (Донъ-Себастьяно что-то ворчитъ). И не просите, не поможетъ, хо-хо, не поможетъ...

Донъ-Себастьяно. Тьфу!.. (спокойно уходитъ направо, подобравъ фонарикъ прекрасной Анны).

Дьего. Бѣжить! Трусъ! Смотрите, православные, какъ онъ поспѣшно удираетъ отъ меня!.. Ха-ха-ха... Все равно, сеньоръ, все равно.. Считайте, что вы убиты...

Принцъ. И такъ, друзья мои...

Дьего. Какъ я его? Хорошо отдѣлалъ?.. Ха-ха-ха...

Принцъ. Превосходно... Благодарю тебя, Дьего.. Что же мы сегодня будемъ дѣлать? Прекрасная Анна убѣжала отъ насъ... (Джованни вздыхаетъ).

Дьего. Ваше высочество! Пойдемте къ доброму Пинтуччи выпить по кружкѣ пива... Мнѣ необходимо освѣжиться послѣ поединка...

Принцъ. Дьего, послушай, отчего это не видно padre на его обычномъ пути къ божественной Бьянкѣ? Неужели и ей онъ ужъ успѣлъ измѣнить?

Дьего. Все проходитъ, ваше высочество, а любовь скорѣе всего... (Джованни глубоко вздыхаетъ). Не грустите, Джованни... Что для васъ значить: любовь? Идемъ къ Пинтуччи, и вы увидите, какъ быстро пройдетъ ваша грусть...

Принцъ. Идемъ, идемъ... Веселѣе, Джованни... (идутъ влѣво и сталкиваются съ Бенедиктиссимусомъ).

Принцъ (склоняясь, друзья тоже). Padre..

Бенедиктиссимусъ. Мой сынъ...

Принцъ. Неужели и такъ поздно вы должны итти съ проповѣдью къ грѣшнымъ людямъ? Или ночью еще ярче горитъ христіанская любовь?

Бенедиктиссимусъ. Мой долгъ не знаетъ разницы между днемъ и ночью, и любовь во мнѣ всегда одинаково сильна...

Принцъ. Счастливый! Намъ въ кои-то вѣки объ одной ночи любви помечтать придется, а онъ...

Бенедиктиссимусъ. Но вы, вы, ваше высочество, что вы дѣлаете? Опять въ толпѣ развратныхъ юношей расточаете свое духовное богатство! Слишкомъ добръ, слишкомъ терпѣливъ вашъ отецъ, что даетъ вамъ такую волю... Но я положу этому конецъ! Сегодня же, опять пойду я къ нему и заставлю въ корнѣ пресѣчь ваше легкомысліе...

Принцъ. Вы ослѣплены праведнымъ гнѣвомъ, отецъ, но я не виноватъ... Я только что спасъ отъ посягательствъ грязнаго развратника святую, чистую невинность... Мои друзья—свидѣтели...

Бенедиктиссимусъ. Вы это сдѣлали?

Принцъ (смиренно). Да, святой отецъ, я только исполнилъ свой долгъ... Не благодарите меня...

Бенедиктиссимусъ. О, ваше высочество, какъ я былъ несправедливъ къ вамъ!.. Кто же она была, эта несчастная?

Принцъ. Я не смѣю сказать... было темно... плохо видно...

Бенедиктиссимусъ. Говорите, говорите, мой сынъ... Я долженъ знать ея имя, чтобы въ тиши своей кельи помолиться о ней...

Принцъ. Извините... Донья Бьянка... (Джованни отъ радости взвизгиваетъ. Дьего вдругъ громко хохочетъ). Что съ вами, Джованни? Вы больны? Не помогутъ ли вамъ молитвы нашего почтеннаго padre?

Бенедиктиссимусъ. Что?.. Бьянка? Бьянка?

Принцъ. Да, отецъ, она... Спросите моихъ друзей, они подтвердятъ...

Дьего и Джованни (вмѣстѣ). Донья Бьянка, ваша святость.

Бенедиктиссимусъ. Бьянка!.. Бьяночка!.. Милая, Бьяночка... Бьянка... Гдѣ же она, куда она пошла?.. Да говорите же скорѣе!..

Принцъ. Она пошла домой...

Бенедиктиссимусъ. Бѣдное дитя... Въ своей чистотѣ она даже не подозрѣваетъ, какія козни готовятъ ей мущины, соблазняясь ея красотой... Я долженъ итти къ ней, внести миръ въ ея душу...

Принцъ. Идите, идите, святой отецъ... Вы, именно вы должны успокоить ее...

Бенедиктиссимусъ (идетъ). Я бѣгу... (Вдругъ останавливается). Но не подумай, дерзкій мальчишка, что этотъ поступокъ искупитъ другіе... Сегодня же твой отецъ узнаетъ о нихъ... (уходитъ).

Дьего (хохочетъ). Скатертью дорога!

Джованни (заливается). Не хотите ли, ваша святость, взять еще фонарикъ, чтобы посвѣтить себѣ дорогу къ святой невинности сеньоры Бьянки?..

Принцъ. Скверное дѣло... Выпоретъ меня папаша... Э! Все равно, была не была... Идемъ къ Пинтуччи и выпьемъ по этому случаю по двѣ кружки пива... Vogue la galère...

Дьего (сквозь смѣхъ напѣваетъ).

Къ доброму Пинтуччи,

Къ старому Пинтуччи

Направляются друзья!..

(Уходятъ налѣво. Еще нѣсколько мгновений слышно пѣніе, поддержанное Джованни и самимъ Принцемъ).

Сцена 2.

„Бычій Глазъ“, таверна добраго Пинтуччи.
Чадный кабачекъ съ скуднымъ освѣщеніемъ, столиками, бочками, многими гостями, пьющими, кричащими и подпѣ-

вающими, пѣвицами, пляшущими то на полу, то на столахъ танцовщицами, музыкантами и самимъ Пинтуччи, стоящимъ въ глубинѣ, передъ полками съ кружками и стаканами.

Слышенъ невообразимый шумъ: пѣніе, крики, музыка, стукъ кружекъ, рукоплесканья, удары кулака по столу и т. п.,—который остается въ теченіе всей сцены.

Какой-то импровизированной пѣвецъ только что кончилъ пѣть и, дотянувъ послѣднюю эффектную ноту, улыбаясь, прыгнулъ съ бочки. Шумъ крики.

Голоса. Bravo! Bravo! Bravo!

Одинъ изъ гостей. За такое пѣніе—стаканъ хіоскаго! Пожалуйте къ намъ, уважаемый.

Пѣвецъ. Благодарю, благодарю.. Я вотъ такъ уже съ восьми лѣтъ пою... Въ первый разъ, что я спѣлъ „Адвенту“, въ Nuestra-Senora разбилось стекло, и пріоръ проклялъ меня, сказавъ, что мой голосъ—отъ дьявола...

Другой изъ гостей. Эй, Хуанита... Садись ко мнѣ на колѣни... Не бойся, ну... я не страшный...

Хуанита. Ты не страшный, ты...

Другой. Страстный?.. Ха-ха... А ты откуда знаешь? Ничего, не бойся... (Хуанита садится).

Третій. Почтенный сеньоръ Пинтуччи... дайте я васъ обниму... Отчего вы такой толстый?.. Васъ и не обхватишь...

Пинтуччи. Благородный сеньоръ своими ясными очами изволилъ замѣтить скромную фигуру ничтожнаго Пинтуччи. Гдѣ я найду слова...

Третій. Отчего ты такой толстый, спрашиваю я тебя?.. Я хочу знать, говори...

Пинтуччи. О, сеньоръ, я въ этомъ не виноватъ... Этимъ я обязанъ моимъ милостивымъ гостямъ...

Третій. Денегъ много платятъ тебѣ, мошенникъ?

Пинтуччи. Зачѣмъ такъ крѣпко выразаться, сеньоръ Каданци?.. Денегъ не много платятъ, охъ, не много... Большинство ничего не платитъ... Но знатные сеньоры всѣ такіе

веселые, остроумные, такъ смѣшать всегда грустнаго Пинтуччи, что все время смѣешься и вотъ... раздуло...

Еще одинъ. Позвольте, прелестная донья, поцѣловать вашу нѣжную ручку...

Донья. Прекрасный сеньоръ оказываетъ слишкомъ много чести...

Кто-то (запѣваетъ, другіе подхватываютъ).

Ближе сдвигайте звонкіе бокалы,
Крѣпче сжимайте радостный кругъ,
Сколько ни пьемъ мы, все намъ будто мало,
Кто бъ ни пришелъ къ намъ, всякій намъ другъ.

Свѣтятъ ли звѣзды, темныя ли тучи
Небо покрыли,—все намъ равно...
Путь вѣдь извѣстенъ къ толстому Пинтуччи,
Пьяно и крѣпко старое вино.

Эй, ты, гитано, шитая рубаха,
Пойте, пляшите, жгите намъ кровь!
Пейте, покуда не встрѣтились два страха,
Страшныхъ два страха—смерть да любовь!..

(Съ послѣдними словами сразу наступаетъ тишина, всѣ умолкли, опустивъ голову, и только постепенно возобновляется прежній шумъ).

Мужской голосъ (грустно). Твой стаканъ, товарищъ.

Женскій голосъ (утѣшающе). Милый... (нѣжный поцѣлуй).

Одинъ (всталъ). Товарищи! Помянемъ славнаго Фиделіо Амориччи, погибшаго въ любви! (Всѣ встаютъ, залпомъ пьютъ и затѣмъ перевертываютъ кружки и стаканы, а нѣкоторые и просто швыряютъ ихъ на полъ. Женщины крѣпче прижимаются къ своимъ кавалерамъ, блестя глазами).

Голосъ (со вздохомъ). Фиделіо Амориччи...

Старческій голосъ. Фиделіо Амориччи, о, Фиделіо Амориччи... Что это былъ за человѣкъ... Когда ему было пять лѣтъ...

Пинтуччи (перебивая, тронутымъ голосомъ). О, почтенные сеньоры! Къ чему эта грусть? Вспомнимъ Фиделіо... Онъ часто навѣщаль эту таверну, гдѣ вы сейчасъ сидите, сеньоры... Фиделіо не забываль стараго Пинтуччи... Но развѣ кто-нибудь видѣль его когда-нибудь грустнымъ? Нѣтъ, никогда... Даже когда онъ погибаль, улыбка была на его губахъ... Сеньоры! Не будемъ грустить! Будемъ веселы, какъ онъ всегда бываль...

Старческій голосъ. Правда, правда... Фиделіо всегда былъ веселъ.

Голоса. Вѣрно... Правильно... Bravo, Пинтуччи!.. Эй, вина сюда!.. Еще вина!..

Пинтуччи (все еще безпокойнымъ голосомъ). Вотъ такъ, вотъ такъ, достойные сеньоры... Вотъ еще вино... Дайте я наполню ваши кружки моимъ темнымъ невадскимъ... (Прежній шумъ возобновляется).

Голосъ. Женщина! Ничтожество! Сумѣешь ли ты оцѣнить мою вѣрность?

Другой голосъ. Пинтуччи, мнѣ вина... Рохля, торопись...

Пинтуччи. Сейчасъ, бѣгу, славный сеньоръ... Такъ, такъ, веселѣе, сеньоры... Прочь тоска, прочь думы...

Тореро (громкимъ голосомъ). Эй, хозяинъ, щенокъ! Отчего такъ мало вина у сеньоровъ? Дѣла своего не знаешь?.. Всѣмъ вина!.. Я угощаю... Въ память славнаго Фиделіо Амориччи...

Пинтуччи. Сейчасъ, сейчасъ, великій тореро... Сейчасъ будетъ у всѣхъ вино... О, какой великодушный сеньоръ!.. (суетится, радостно возбужденный. Подымается шумъ, гвалтъ, многіе бросаются благодарить тореро, пожать ему руку, раздаются голоса: Bravo! Bravo! Король Эспады! Великій! Маньифико! Bravo!—Женщины визжать).

Голосъ. Музыку въ честь Баско!

Другой. Музыки, музыки прежде всего!.. (Раздается музыка).

Тореро. Пинтуччи! Отчего никто не танцуетъ? Я хочу, чтобы танцовали... Кто у тебя есть?..

Пинтуччи. О, великій тореро, если вы хотите, для васъ я покажу новую танцовщицу, лучшую, которую кто-либо когда-нибудь видаль...

Тореро. Веди ее! Будетъ хорошо танцовать, я поцѣлую ее въ губы.

Голоса. Тащи ее... Хороша?.. Брешешь, старуха какая-нибудь...

Пинтуччи. О, почтенные сеньоры, позвольте старому Пинтуччи одно глупое слово сказать въ вашу прекрасную бесѣду... Въ первый разъ... потому что старый Пинтуччи за всю свою долгую жизнь ни разу не видѣль такого праздника...

Голоса. Тише!.. Хозяинъ говорить... Пинтуччи... Слушайте!.. Пусть замолчитъ!.. Скорѣе!..

Пинтуччи. Ахъ, немножко терпѣнія, сеньоры... Неужели добрый Пинтуччи даже слова сказать не можетъ?.. Конечно, вы вольны смѣяться надо мной...

Голоса. Долой! Абајо! Заткните ему глотку!.. Проткните ему пузо!.. Довольно!.. (Шумъ. Часть гостей кричить, другая успокаиваетъ. Наконецъ, настаетъ тишина. Пинтуччи обиженъ. Вдругъ явственно раздается громкій поцѣлуй. Всѣ оглядываются, смѣются, кричатъ).

Голоса. Смачно... вкусно... Ай, да Маркъ...

Голосъ. Безобразіе... Цѣлуются...

Пинтуччи. Если сеньоры не хотятъ слушать, я могу, конечно, не говорить... (уходитъ).

Голоса. Да ну, будетъ... Пинтуччи, стой...

Пинтуччи (возвращается съ Эльвирой). Вотъ танцовщица Эльвира, пришедшая изъ горячей Долиды... Прошу любить и жаловать... (Эльвира неподвижна. Шумъ умолкъ. Эльвиру разсматриваютъ, кто со своихъ мѣстъ, а кто и подходя къ ней. Видимо, она нравится).

Голоса (сдержанно и даже сконфуженно). Красивая... А что она умѣетъ?..

Пинтуччи (опять оживляясь). О! Она умѣетъ, она умѣетъ танцовать... Какъ танцовать!.. Вы никогда еще не видѣли такихъ танцевъ!.. Это такъ прекрасно!.. Эльвира, ты вѣдь будешь танцовать моимъ гостямъ? А!.. Эльвира... Пляши, пляши передо мной, Эльвира!.. (Эльвира молчитъ). Ну, ты будешь танцовать, я вижу по твоимъ глазамъ, по груди, которая подымается и опускается... Эй, раздвиньте столы!.. Эльвира будетъ танцовать!.. (Столлы отодвигаются, оставляя много мѣста посерединѣ. Во время танцевъ, гости встаютъ и становятся вокругъ гурьбой, такъ что столиковъ и вовсе не видно. Музыка играетъ. Эльвира танцуетъ, сперва нехотя, но затѣмъ все съ большей живостью и страстью. Толпа апплодируетъ, притаптываетъ, кричитъ).

Голоса. А! Какъ хороша!

Какъ блестятъ ея глаза! Какія тонкія у нея руки!
Какъ она танцуетъ!.. Какъ она танцуетъ!..

Пинтуччи. Что? Что? Я говорилъ, я говорилъ... А, не вѣрите, не вѣрите, сеньоры...

Голоса. Не мѣшайте смотрѣть!.. Отойдите!.. Куда вы лѣзете!..

Она ворожить, она колдуетъ своими руками...
Бестія! Чортъ!

Пропустите меня, пропустите... я хочу видѣть ее...

Я хочу коснуться ея рукой...

Уходите... не мѣшайте...

Какъ хороша!.. Какъ она пляшетъ!..

(Къ голосамъ со сцены постепенно примѣшиваются голоса изъ зала).

Голоса изъ зала. Хорошо... Ничего себѣ, только...
Хорошо, хорошо, bravo...
У нея слишкомъ рѣзкія движенія...
Такъ вѣдь Испанія...
Все-таки...

на сценѣ. Она лучше всѣхъ!.. Такъ никто не танцуетъ!..

Эльвира!.. Эльвира!..

Запретите ей танцовать, это дьяволь!..

Пинтуччи. О, смотрите, смотрите, сеньоры, какія ноги... колѣни...

изъ зала. У нея большія ноги...

со сцены. Нѣтъ, нѣтъ... Самыя маленькія, какія я только видѣлъ.

Идите сюда посмотрите...

Послушайте, вы далеко сидите и не видите... У нея крошечныя ноги...

изъ зала. Да я отлично вижу... У меня бинокль Цейсса...

со сцены. Заставьте его замолчать!

Онъ ничего не понимаетъ!

Какъ хороша!.. какъ хороша!..

Или у васъ бинокль испорченъ, или вы не умѣете пользоваться имъ... Идите сюда...

Она лучше всѣхъ, лучше всѣхъ танцуетъ!..

изъ зала. Нѣтъ, у нея меньшія ноги...

Ничего, красивая...

Анжелика лучше танцуетъ!

со сцены. Нѣтъ! Неправда!

Эльвира лучше! Лучше!

Выведите его изъ зала! Онъ ничего не понимаетъ!

изъ зала. Анжелика лучше! лучше! лучше!

со сцены. Выдумки!.. Молчите!..

Подожди, вотъ я приду и вышвырну тебя съ твоей Анжеликой...

Эльвира! Эльвира!

изъ зала. Анжелика! Анжелика! Лучше!..

со сцены. Пусть она танцуетъ! Пусть танцуетъ!

Ха-ха! Пусть Анжелика танцуетъ!

изъ зала. Анжелика! Станцуй...

Анжелика (въ залѣ). Не хочу...

Голосъ (въ залѣ). Для меня! Я прошу тебя... Я тебѣ подарю...

Анжелика. Новый выѣздъ, да? Подаришь?

Голосъ. Подарю, подарю, только станцуй. Покажи, какъ надо танцовать...

Анжелика. Хорошо...

со сцены. Ха-ха!.. Что жъ Анжелика? Боится?

(Анжелика начинаетъ танцовать въ залѣ).

со сцены. Не видно... не видно... Пусть танцуетъ на столѣ!..

Эй, вы тамъ!.. Сядьте, не видно ничего!..

Анжелика танцуетъ... Ха-ха!..

(Анжелика танцуетъ на столѣ въ залѣ. Шумъ голо-
совъ на сценѣ и въ залѣ. Всѣ аплодируютъ, подпѣваютъ,
приплясываютъ, кричатъ).

Голоса. Анжелика!.. Эльвира!.. Хорошо!.. Еще! еще!

Она лучше, лучше!.. Кто?..

со сцены. Дайте бинокль... Одолжите бинокль...

Хороша, ничего...

изъ зала. Пожалуйста, только верните... (даютъ бинокль).
со сцены. Мерси. Сейчасъ же... Мнѣ только взгля-
нуть...

(Въ разгаръ криковъ на сцену входятъ Принцъ,
Дьего и Джованни).

Голоса на сценѣ. Тсссъ!.. Его высочество, наслед-
ный принцъ... (Наступаетъ тишина. Эльвира, увлеченная,
не замѣчаетъ и продолжаетъ танцовать).

Принцъ. Такъ... такъ... А... (Эльвира прекращаетъ
танецъ). Хм... Недурно... Кто это такая?..

Пинтуччи. О, ваше высочество... позвольте до-
ложить... Это—Эльвира, новая танцовщица, только что при-
бывшая изъ жаркой Долиды и выступившая здѣсь въ пер-
вый разъ... Ножки у нея, пальчики на ногахъ, ногти на
пальцахъ... Ваше высочество!.. (Джованни вздыхаетъ).

Принцъ. Хм... Приведи ее сюда...

Пинтуччи. О, слушаю-съ, сейчасъ, сейчасъ...

Принцъ. Да вотъ еще, погоди... Выкати-ка намъ
бочку стараго амонтильядо...

Пинтуччи. Слушаю-съ, слушаю-съ... Осмѣлюсь только
доложить, что вашимъ высочествомъ еще не оплаченъ по-
слѣдній счетъ...

Принцъ. Ерунда... Дьего, заплати...

Дьего. Получай... Ахъ, я забылъ кошель дома... Завтра
приходи ко мнѣ, добрый Пинтуччи...

Принцъ. Ну, тогда дай намъ просто стаканъ пива.

Пинтуччи. Слушаю-съ... Только осмѣлюсь доложить,
что счетъ вашего высочества все еще остался неоплачен-
нымъ...

Принцъ. Чортъ! Что жъ мы, поститься пришли сюда,
что ли?

Тореро. Ваше высочество! Осчастливьте!.. Не отка-
жите!.. Сегодня я всѣхъ угощаю... Разрѣшите предложить
и вамъ стаканъ вина?.. Осчастливьте!..

Принцъ. Спасибо... Пинтуччи, слышишь, дуракъ? Вы-
кати-ка на счетъ этого сеньора бочку амонтильядо... (Джо-
ванни радостно хрюкаетъ. Тореро дѣлаетъ знакъ Пин-
туччи, чтобы онъ принесъ только маленькіе стаканы дру-
зьямъ. Принцъ садится).

Пинтуччи. Слушаю-съ... (убѣгаетъ и вскорѣ возвра-
щается съ тремя маленькими стаканами).

Принцъ. И такъ...

Всѣ (почтительно). И такъ...

Принцъ. Мои друзья...

Всѣ (такъ же). Ваше высочество...

Принцъ. Не обращайтесь на меня вниманія и пируйте,
какъ будто бы меня и не было...

Всѣ. Рады стараться... (Шумное пиршество возобно-
вляется).

Принцъ. Отчего же она не танцуетъ, эта твоя Эльвира?

Пинтуччи. Не хотите, ваше высочество...

Принцъ. Интересно... А ты сказалъ ей, что я ее зову?

Пинтуччи. Сказалъ, ваше высочество.

Принцъ. И что же она?

Пинтуччи. Да... не хотите... не идетъ...

Принцъ. Хемъ... Любопытно... Отчего?

Пинтуччи. Я не знаю, какъ сказать...

Принцъ. Не бойся, говори... Это занятно...

Пинтуччи. Она говоритъ, что вы противный, пакостный мальчишка...

Принцъ. Хемъ... Остроумно...

Дьего. Ваше высочество, прикажите, я ее приведу сюда?

Принцъ. Приведи. (Дьего идетъ къ Эльвирѣ, она отказывается, но затѣмъ онъ беретъ ее и, равнодушную, подводитъ къ Принцу).

Принцъ. Очаровательная сеньора, присаживайтесь къ намъ... Къ сожалѣнью, мы не можемъ угостить васъ изысканнымъ ужиномъ, потому что этотъ старый, жадный Пинтуччи далъ намъ только по небольшому стакану вина, но если вы не побрезгуете и пригубите мой, я буду такъ счастливъ...

Эльвира. Я не хочу.

Принцъ. Вы не хотите!.. Вы ничего не хотите!.. Вы не хотѣли танцевать, вы не хотѣли итти ко мнѣ, теперь вы не хотите вина!.. Вы отъ всего отказываетесь... Вы вѣрно не знаете, съ кѣмъ вы имѣете дѣло, вы не знаете, кто я? Я—наслѣдный принцъ великаго герцогства Камариллья и могу дѣлать все, что хочу... О, насъ всѣ слушаютъ.. Герцогство наше такъ велико и обширно, что со всѣхъ сторонъ его — другія герцогства и королевства, ихъ очень много: направо—одинъ король, и налѣво—другой, впереди—герцогъ и герцогъ же позади... И всѣ слушаютъ, что говоритъ великій герцогъ Камариллья!.. Не уходите отъ меня... Я васъ могу обогатить, сдѣлать навсегда счастливой... Вы прекрасны... Я хочу, чтобы со мной вы провели эту ночь во дворцѣ...

Эльвира. Я не хочу.

Принцъ. А я хочу... Я васъ заставлю, слышите?.. Одну ночь...

Эльвира (встала). Я буду танцевать, Пинтуччи... (Радостный гулъ пробѣгаетъ въ толпѣ).

Принцъ (хватаетъ за руки своихъ друзей). Слѣдите за ней! (Дьего и Джованни незамѣтно скрываются).

Голоса. Эльвира танцуетъ! Смотрите, смотрите!.. Музыки!..

Пинтуччи. О, она будетъ танцевать... Ножки... пальчики... ноготки... (Подъ музыку и апплодисменты, топотъ и крики, Эльвира танцуетъ и затѣмъ, незамѣтно приблизившись къ двери, вдругъ скрывается въ нее. Толпа, какъ бы повторявшая ея движенія и тянувшаяся за ней, теперь, потерявъ ее, застываетъ).

Голосъ. Она ушла..

Пинтуччи. О, она ушла, она ушла отъ меня, она никогда больше не вернется ко мнѣ!..

Голоса. Бѣжимъ, бѣжимъ за ней!.. (порываются къ двери).

Принцъ. Стой! Ни съ мѣста! Не надо, не бѣгите!.. Она вернется... Клянусь головой моего папаша, она вернется... (Не смѣя послушаться, гости грустно идутъ по мѣстамъ. Раздается печальный, придушенный вздохъ: Ой-ой-ой!.. и словно волна, прокатывается имя: Эльвира.. Но уже раздается стукъ металлическихъ кружекъ и только нѣкоторые изъ гостей все же проскальзываютъ къ двери).

Пинтуччи (посерединѣ, упавъ на бочку, рыдаетъ). Эльвира!

Сцена 3.

Улица, какъ въ первой сценѣ. Полная темнота. Луны нѣтъ.

Слѣва возникаетъ шумъ, и затѣмъ на сцену вылетаетъ и по ней проносится какая то странная фигура, въ которой

угадывается Дьего съ Эльвирой на плечахъ. За ними едва поспѣваетъ Джованни, пыхтя и отдуваясь; фонарикъ едва мерцаетъ, вспыхивая и замирая, въ его рукѣ. Послѣднимъ выскакиваетъ Принцъ.

Принцъ (скачетъ по сценѣ, размахивая рапирой). Уэ! Ура! Я похитилъ Эльвиру! Вотъ я какой герой! Вотъ я какой герой!.. Смѣло бросился я на нее... Кто храбрѣе меня, кто сильнѣе меня?.. Хэй! Хэй! Какая женщина не опуститъ своихъ глазъ передъ моими?.. Вотъ я какой герой!.. Вотъ я какой герой!..

Старый, преданный слуга (выбѣгаетъ справа). Ваше высочество... Ваше высочество...

Принцъ. Ай! Кто меня зоветъ? Я никого не боюсь!

Слуга. Ваше высочество, васъ батюшка кличетъ.

Принцъ. Какой батюшка? Попъ?

Слуга. Никакъ нѣтъ, батюшка герцогъ... Крѣпко гнѣваться изволить...

Принцъ. Ай-ай... А нельзя не ходить?

Слуга. Никакъ нельзя... У нихъ святой отецъ, на что то изволятъ жаловаться...

Принцъ. Фискаль! Красная говядина!

Слуга. А батюшка какъ стукнуть ручкой по столу, какъ закричать: гдѣ мой оболтусъ шатается? — Это такъ про ваше высочество: оболтусъ, говорятъ, и вѣтрогонъ...

Принцъ. Да, да... правда... А что же дальше?

Слуга. Отвели такъ душеньку, а тамъ и давай звонить... Я прибѣжалъ... Живо, кричатъ, старый, преданный слуга, бѣги за моимъ наслѣдникомъ, за его высочествомъ принцемъ камарилльскимъ... Я и побѣгъ... прямо къ Давыдкѣ...

Принцъ. Ну, будетъ встрепка... А ничего не подѣлаешь... Надо итти...

Слуга. Ужъ потерпите, ваше высочество... Не больно кричите... А я попрошу, чтобъ не очень усердствовали... (оба уходятъ направо).

Сцена 4.

Комната Герцога.

Герцогъ сидитъ у стола, а рядомъ стоитъ Бенедиктиссимусъ.

Бенедиктиссимусъ. Ваше величество... Хотя вѣра моя приказываетъ мнѣ милосердіе, но мой долгъ, какъ священнослужителя, заставляетъ меня указать вамъ, что только самыя крутыя мѣры могутъ вернуть вашего сына на путь истины...

Герцогъ (вздыхаетъ). Путь истины...

Бенедиктиссимусъ. Да, ваше величество, но онъ все дальше идетъ по пути грѣха и утопаетъ въ морѣ разврата... Вокругъ него цѣлыя сонмища бѣсовъ въ образѣ его развратныхъ друзей... Ваше величество, вы дадите отвѣтъ за его душу... Все ли вы сдѣлали, чтобы спасти ее?

Герцогъ. Я поговорю съ нимъ очень строго...

Бенедиктиссимусъ. Вы слишкомъ милосерды, а дѣло не терпитъ... Послѣдніе проступки вашего сына переходятъ всякія границы...

Герцогъ. Я люблю его нѣжной и трогательной любовью... (Стукъ въ дверь). Войдите... (Входитъ справа Принцъ).

Принцъ. Изволили звать меня, ваше величество, мой отецъ и благодѣтель? (Становится на колѣни и, бросая гнѣвные взгляды на Бенедиктиссимуса, цѣлуетъ протянутую ему герцогомъ руку).

Герцогъ. Да... Встань, сынъ мой и приблизься ко мнѣ... (Принцъ не встаетъ, но на колѣняхъ приближается къ Герцогу). Отецъ рассказалъ мнѣ о томъ, какъ ты проводишь время, которое долженъ былъ бы употреблять только на пользу государства...

Бенедиктиссимусъ. И католичества, ваше величество...

Герцогъ. Да, да, конечно... Ты забываешь свой высокій санъ, свое назначеніе... Я старъ и недолго мнѣ осталось

еще жить... Тебѣ вскорѣ придется вступить на престоль... Готовишься ли ты къ этому?.. Нѣтъ. Ты все еще полонъ забавъ, дѣтскихъ игръ и, чему я не хочу вѣрить, ты шляешься по тавернамъ, ухаживаешь за пѣвчихами... Теперь, кажется, ты увлекаешься плясуньями... Да?.. Что жъ это, болѣе модно, не такъ ли?.. Или онѣ лучше, красивѣе?..

Принцъ. Ваше величество, позвольте сказать... Онѣ такъ граціозны, такъ воздушны, въ нихъ столько огня...

Герцогъ. Огня? Ты говоришь — огня? Гдѣ ты ихъ видѣлъ?

Бенедиктиссимусъ. Ваше величество...

Герцогъ. Ахъ, да... (строго). Сынъ мой...

Бенедиктиссимусъ. Это—огонь геенскій, ваше величество...

Герцогъ. Вотъ, слышишь? Это огонь геенскій, понимаешь?

Принцъ. Понимаю, ваше величество, геенскій огонь...

Герцогъ. И я рѣшилъ, за всѣ твои провинности, подвергнуть тебя строжайшему наказанію... Я хотѣлъ навсегда запереть тебя въ башню съ твоими учителями и хотѣлъ тебя... какъ ты говоришь?.. огонь геенскій?..

Принцъ. Геенскій, ваше величество...

Герцогъ. И только отецъ, своимъ христіанскимъ милосердіемъ снисходя къ твоей молодости, умолилъ меня не бытьслишкомъ строгимъ...

Бенедиктиссимусъ. Ваше величество...

Герцогъ. Да, да, padre, я знаю... И вотъ, внемля его мольбамъ, я смягчилъ свой гнѣвъ и утишилъ мою взволнованную душу... Благодарю отца, мой сынъ...

Принцъ. Благодарю васъ, отче... (цѣлуетъ ему руку).

Герцогъ. И въ послѣдній разъ я прощаю тебя... Иди въ свою комнату, обдумай то, что я тебѣ сказалъ, и исправься... А впередъ—старайся не грѣшить и не смѣй заводить случайныя знакомства, которыя только мараютъ твое имя... Всѣхъ ихъ сперва показывай мнѣ... Ступай...

Принцъ. Слушаю-съ, ваше величество... Извольте покойно почивать... (Цѣлуетъ имъ обоимъ руку, встаетъ и уходитъ налѣво въ дверь, которую вышибаетъ ногой, и оказывается въ своей комнатѣ, говоря). Старый хрѣнь! Чортъ!..

Сцена 5.

Комната Принца.

Въ глубинѣ сидитъ Эльвира.

Принцъ (войдя, вдругъ замѣчаетъ Эльвиру). А, сеньора... Вы здѣсь? Чему обязанъ я вашимъ посѣщеніемъ?.. Не по доброй ли волѣ пришли вы сюда? Не перемѣнили ли вы мнѣніе обо мнѣ, свое ко мнѣ отношеніе?.. Отчего же вы молчите?.. Вы не хотите подойти ко мнѣ, вы не хотите отвѣчать мнѣ?.. Сеньора, это жестоко... (подходя). Но вы не убѣжите отъ меня, если я подойду къ вамъ? Вы не отдерните своей руки, когда я трону ее?.. Когда я васъ поцѣлую... Вы прекрасны, слышите... Вы красивы, какъ ночь весной, какъ звѣзды въ черномъ небѣ сіяютъ ваши глаза, губы пылаютъ рубинами, а темныя косы легли вокругъ головы, какъ тяжелыя, тяжелыя змѣи... У васъ стройное тѣло, грудь высока и упруга, а глаза, глаза—горятъ!.. Вы прекрасны, сеньора... Чувствуете ли вы, что я теряю голову рядомъ съ вами?.. Я люблю васъ, слышите, я люблю васъ, сеньора?.. Чего же вы молчите?

Эльвира. Я не люблю васъ, принцъ.

Принцъ. Я поцѣлую васъ въ красныя губы, я укушу вашу бѣлую шею... Я хочу, чтобы ты провела эту ночь со мной... Я хочу, чтобы завтрашнее солнце увидѣло тебя въ моихъ объятыхъ... Ты пойдешь за мной, Эльвира! Куда я поведу тебя, туда ты пойдешь за мной, Эльвира!

Эльвира. Я не люблю васъ, принцъ.

Принцъ. А! Я заставлю тебя! Я силой поведу тебя! На рукахъ своихъ я понесу тебя, и на своемъ лицѣ ты услышишь мое горячее дыханіе... Я озолочу тебя... Я подаю тебѣ красный платокъ съ желтыми полосами, и восточ-

няя ткани подарю я тебѣ... Три куска бѣлаго мыла, и душистаго масла, и помады... все, все, что только захочешь... пару шелковыхъ чулокъ къ твоимъ ногамъ сложу я, о, гордая моя повелительница...

Эльвира. Я не люблю васъ, принцъ.

Принцъ. Я не люблю васъ, принцъ!.. Ха-ха-ха... Вы не любите?.. Кафешантанная плясунья говоритъ про любовь!.. Да что вы знаете про нее? И на что она мнѣ?.. Приберегите ее для кого-нибудь другого... Я не прошу вашей любви... Я хочу вашихъ ласкъ, горячихъ, безумныхъ ласкъ, вашихъ объятій, жаркихъ поцѣлуевъ... Я хочу васъ!.. Живой или мертвой, я возьму васъ!.. (бросается къ ней).

Эльвира (быстрымъ движеніемъ вынуть ножъ). Принцъ!

Принцъ (сразу остановившись). А! Что? Вы грозите мнѣ?... Хорошо... Я съ вами расправлюсь... (хлопаетъ въ ладоши). Дьего! Джованни!.. Сюда!.. Не слышать! Ушли. Негодяи... Оставили меня одного... Ну, послушайте, вѣдь это право некрасиво съ вашей стороны, сознайтесь сами... Вы пользуетесь тѣмъ, что вы женщина и что, поэтому, я не смѣю тронуть васъ... Вѣдь что мнѣ стоило бы проколоть васъ, какъ цыпленка?.. и вы грозитесь мнѣ... Это не корректно... Слушайте, уберите наваху, дайте ее мнѣ, неужели вы меня такъ боитесь?.. Ха-ха-ха... Конечно, я знаю, что я выгляжу страшнымъ, но все же, когда я говорю, что не трону, мнѣ можно вѣрить...

Эльвира. Я не вѣрю.

Принцъ. Такъ... Рѣшительно... Значитъ, вы не отдадите ваше оружіе?... Хорошо... Что жъ вы намѣрены теперь дѣлать? Не думаете ли вы, что я буду клянчить у васъ, молить о вашей любви?.. Нисколько... Не хотите, не надо... ваше дѣло, сами пожалѣйте... Или я буду зариться на васъ, когда вы держите въ рукѣ наваху?.. Ха-ха-ха... Нѣтъ, я не мальчикъ, въ самомъ дѣлѣ... Идеалистическіе порывы мнѣ совершенно чужды, я—натура совсѣмъ позитивная... Ха-ха... И хотя вы въ гнѣвѣ прекрасны, еще лучше, чѣмъ обычно, я разыгрывать передъ вами трагедій или водевилей не

буду,—я отпускаю васъ, пожалуйста... (съ поклономъ). Вы свободны, сеньора...

Эльвира. Я ухожу (уходить).

Принцъ. Никуда ты не уйдешь!.. Въ Санъ - Матильдѣ негдѣ скрыться!.. Да, она вернется ко мнѣ, она почувствуетъ мое благородство. Вѣдь я такъ легко могъ ее взять, только захотѣть... Эта игрушечная наваха, ха-ха-ха, мой перочинный ножикъ больше... Но какъ она хороша, какъ она хороша, когда сердится!.. И какая гибкая, какъ кошка... Я не видалъ еще такихъ женщинъ, а сколькихъ ужъ я переимѣлъ на своемъ вѣку... Нѣтъ, нельзя такъ... Какъ она смѣетъ смѣяться надо мной! Она думаетъ, что я влюбился... Какъ бы не такъ... Надо себя иначе вести, надо работать, работать, чтобы никто во всей Камариллѣ не посмѣлъ обнажить противъ меня своей навахи... Эй!.. (хлопаетъ въ ладоши). Великіе ученые, съ толстыми, древними фоліантами, идите сюда, я хочу серьезно заниматься!.. (Входятъ придворные ученые—Цыфиркино и Кутейкадо).

Кутейкадо. Дому владыкѣ миръ и многая лѣта...

Цыфиркино. Желаемъ вашему высочеству здравствовать сто лѣтъ, да двадцать, да пятнадцать, несчетныя годы...

Принцъ. Здорово... Доставайте книгъ да тетрадей... Хочу работать... Ну, какъ тамъ?

Кутейкадо. Азъ, буки, вѣди...

Принцъ. Азъ, буки, вѣди, буки, вѣди, глаголь, азъ...

Кутейкадо. Азъ есмь червь...

Принцъ. Глаголь, добро... Азъ есмь скотъ, а не чловѣкъ... (Занавѣсъ задергивается. Изъ-за него слышенъ голосъ).

Принцъ (громко плачетъ, рветъ книги). А! Не хочу учиться, хочу жениться!.. Эльвира! Эльвира!.. (разорванныя книги и тетради летятъ передъ занавѣсъ).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Сцена 1.

Улица въ Санъ-Матильдѣ. День.

Принцъ входитъ въ сопровожденіи Дъего и Джованни. Первый садится, они же остаются стоять.

Принцъ. Мнѣ скучно, Дъего...

Дъего. Что дѣлать, ваше высочество... Я скорблю объ этомъ, но не знаю, чѣмъ помочь.

Принцъ. Расскажи мнѣ неприличный анекдотъ.

Дъего. Нѣтъ у меня больше анекдотовъ, о, принцъ. Послѣдній рассказалъ я вамъ вчера, и ужъ какъ не понравился онъ вамъ... Вотъ вѣдь ужъ сколько времени, какъ ваше высочество каждый день требуетъ ихъ... Науки заброшены, работы забыты, ученые въ своихъ лачугахъ изнываютъ отъ бездѣлья, а старые, толстые фоліанты въ кожаныхъ переплетахъ, неподвижные, въ пыли, тлѣютъ на полкахъ дворцовой бібліотеки...

Принцъ. Ты долженъ найти Эльвиру...

Дъего. И вечеръ, и ночь, и все утро ищу я ее, повсюду разсланы гонцы, а ея нигдѣ нѣтъ, словно она провалилась сквозь землю. И въ „Бычьемъ глазѣ“ былъ я, и въ „Зеленой лягушкѣ“, но никто, никто даже не слышалъ про нее...

Принцъ. Джованни! А у тебя есть анекдотъ?

Джованни. Есть... (и уже самъ смѣется).

Принцъ. Рассказывай...

Джованни (все время, пока рассказываетъ, смѣется). Жиль-былъ одинъ грязный, толстый итальянецъ...

Принцъ. Джованни, если ты это про себя рассказываешь, не надо, это не интересно...

Джованни. Ваше высочество, это не про меня, клянусь моей покойной прабабушкой... Позвольте досказать, это такъ интересно... (смѣется).

Принцъ. Продолжай...

Джованни. Жиль толстый итальянецъ и взялъ себѣ очень тонкую жену... И всегда-то повторялъ онъ: вотъ моя прекрасная половина,—и смѣялся такъ надъ закономъ природы... Такое издѣвательство не могло пройти безнаказанно. И однажды, когда толстый итальянецъ и тонкая жена его, нѣжно ласкали другъ друга, случилось въ томъ городѣ землетрясеніе...

Принцъ. Я долженъ ѣхать искать Эльвиру, Дъего!

Дъего. Ваше высочество! Подумайте...

Джованни. Позвольте кончить анекдотъ...

Принцъ. Я долженъ ѣхать искать Эльвиру, Дъего!..

Дъего. Если ваше высочество... не могу ли я сопровождать?..

Принцъ. Спасибо, мой Дъего, поѣдемъ вмѣстѣ искать ее... А ты, Джованни, поѣдешь съ нами?

Джованни. Что жъ, пожалуй... Только какъ же анекдотъ... (Входятъ Герцогъ и Канцлеръ).

Герцогъ. И такъ, сеньоръ, скажите мнѣ, сколько дорогихъ сердцу нашему крестьянъ не имѣютъ еще въ супѣ своемъ курицы?

Канцлеръ. Ваше величество. По свѣдѣніямъ, полученнымъ мною сегодня ночью, во всемъ обширномъ герцогствѣ вашемъ такихъ несчастныхъ осталось всего четырнадцать человѣкъ...

Герцогъ. Какъ я возблагодарю Господа?.. Только утромъ доложила мнѣ моя первая ключница, что нынче вылупилось два выводка цыплятъ, ровно четырнадцать штукъ... Отдайте ихъ скорѣе этимъ бѣднымъ крестьянамъ, пусть они положить ихъ себѣ въ супъ...

Канцлеръ (становясь на колѣни). Народъ твой благословить тебя, великій герцогъ!

Герцогъ. Боже мой, какъ я счастливъ!.. Теперь я могу умереть спокойно... Я исполнилъ долгъ, возложенный на меня исторіей...

Принцъ (подходить). Добрый день, батюшка.

Герцогъ. Здравствуй, любезный другъ нашъ и наслѣдникъ... Какъ ты проводишь свое время?

Принцъ (опускаясь на колѣни). Ваше величество! Тяжелая просьба давить мнѣ грудь... Позвольте теперь же, на этомъ мѣстѣ, высказать вамъ ее...

Герцогъ. Что случилось, сынъ мой? Говори, я слушаю тебя...

Принцъ. Ваше величество... Долго, долго думалъ я о вашихъ словахъ и вижу, да, вы были правы, и святой отецъ... его умудрилъ самъ Господь... Да, я развратенъ, я заблудшая овца... Кровь загубленныхъ жертвъ моей жестокости, слезы невинныхъ вопіютъ къ небу о возмездіи...

Герцогъ. Что ты говоришь, опомнись, опомнись... какое возмездіе?

Принцъ. Мнѣ нѣтъ спасенья, я сознаю это, я нераскаянный грѣшникъ... И есть только одно средство спасти меня...

Герцогъ. Какое это средство? Говори скорѣе, не томи...

Принцъ. Я долженъ уѣхать отсюда... Да, уѣхать... Въдъ я не такой, въ глубинѣ души я очень порядочный человекъ, но здѣсь я окруженъ соблазнами, и я не могу удержаться... Я долженъ уѣхать, отпустите меня, ваше величество...

Герцогъ. Что ты, что ты, сынъ мой?.. Ты никакъ умарѣшился... Я старъ, могу умереть каждый день, ты не долженъ покидать герцогства...

Принцъ. Ахъ, помирайте себѣ въ мое отсутствіе сколько угодно, но не губите меня... Въ пути, въ лишеніяхъ похода, въ кровавыхъ бояхъ, я забуду про свои прежнія забавы и я возрождусь духомъ и тѣломъ, я начну новую жизнь...

Герцогъ. И думать не смѣй!.. Новую жизнь... Еще что выдумалъ... Достаточно ты и въ старой ужъ бѣдъ натворилъ... Живи здѣсь, вотъ тебѣ и весь сказъ...

Принцъ. Я не могу здѣсь жить, ваше величество... Я не могу здѣсь жить...

Герцогъ. Ты что-то скрываешь отъ меня, ты не все говоришь... Что то другое у тебя на душѣ...

Принцъ. Вы такъ добры ко мнѣ, такъ великодушны... Я открою вамъ свою тайну, только не смѣйтесь надо мной... Я люблю Эльвиру, я жить безъ нея не могу... Я долженъ ѣхать за ней... Ваше величество...

Герцогъ. Что? Изъ-за какой-то балетнички уѣзжать отъ престарѣлаго отца? Да ты и вправду сумасшедшій!.. Я дурь-то изъ твоей головы повыбью... Я запру тебя въ башню, я...

Принцъ. Никакія силы не удержатъ меня! Если вы хотите смерти моей, держите меня, но я уѣду... Я въ окно брошусь изъ башни... Если вы хоть сколько-нибудь любите меня, если вамъ дорога моя жизнь, нужная государству и католичеству, ваше величество... вы отпустите меня...

Герцогъ. Ты глупишь, мой сынъ... За Эльвирой можно послать... Хотя герцогство наше и велико, но все же дня въ два его можно объѣхать, и ты завтра же увидишь ее...

Принцъ. Ужъ повсюду разосланы гонцы, друзья мои день и ночь ищутъ ее, и ея нѣтъ... Я долженъ ѣхать, ваше величество...

Герцогъ. Такъ гдѣ же ты найдешь ее, куда поѣдешь ты искать ее?

Принцъ. Меня поведетъ любовь, ваше величество (Джованни вздыхаетъ). Любовь будетъ указывать мнѣ путь, а мои друзья, Дьего и Джованни, будутъ сопровождать меня (тѣ отвѣшиваютъ поклонъ).

Герцогъ. Ну, хорошо, поѣзжай... Видно, тебя не удержишь... Только будь остороженъ, не простудись, не пей сырой воды...

Принцъ. О, батюшка, какъ мнѣ благодарить васъ... Я въ жизнь свою не забуду вашего благодаренія... Надо скорѣй укладываться... (начинается общая суета). Эй, Дьего, Джованни, скорѣе!.. Коней, оружіе!..

Герцогъ (хлопаетъ въ ладоши). Госпожа первая ключница. Пожалуйте сюда.

Первая ключница. Что прикажете, ваше величество?
Герцогъ. Госпожа первая ключница. Его высочество, наследный принцъ, сейчасъ уѣзжаетъ на долгіе годы въ дальнія страны... Приготовьте ему все для похода...

Первая ключница (присѣдая и краснѣя). Ваше величество, у меня все готово.

Герцогъ. Вы—незамѣнимая женщина, вы мнѣ истинная помощница, госпожа первая ключница... Несите все сюда... (Первая ключница съ поклономъ удаляется). Но когда я умру, ты сейчасъ же вернешься сюда? Общай мнѣ хоть это, мой сынъ...

Принцъ. Клянусь. (Старый преданный слуга вводитъ дикую лошадь, другіе слуги вводятъ еще двѣ такихъ же).

Слуга. Охъ, батюшка, куда это ты въ такой путь далекій собрался? Что тебѣ съ твоимъ батюшкой не живется? Охъ-хо-хо...

Принцъ (осматривая лошадей). Ничего, старина, скоро вернусь...

Первая ключница (входитъ съ разными слугами, несущими вещи: одинъ дождевикъ и нѣсколько бутербродовъ, которые тутъ же заворачиваются въ газету). Вотъ, ваше величество, запасы на долгій путь. (Запасы приторачиваются къ сѣдламъ).

Герцогъ (сквозь слезы). Ну, посидимъ передъ дорогой немного... (Всѣ садятся. Молчаніе. Потомъ Герцогъ). Ну, пора ѣхать... прощай...

Принцъ. Прощайте, батюшка... Благодарю васъ... (Садится съ друзьями на лошадей и втроемъ уѣзжаютъ).

Герцогъ (машетъ платкомъ). Прощай... не забывай... пиши... (вытираетъ слезы). Пусть, пусть побудетъ въ чужихъ краяхъ, посмотритъ, узнаетъ жизнь... и тогда наследуетъ мнѣ... Береги свое здоровье!.. Не промочи ногъ!.. Позовите мнѣ святого отца... Я хочу побесѣдовать съ нимъ... (Сразу постарѣвшій на нѣсколько десятковъ лѣтъ, сгорбившись, шатаясь, уходитъ).

Сцена 2.

Безлюдное мѣсто. Вечеръ. Темно.

Выѣзжаютъ Принцъ, Дьего, Джованни.

Принцъ. Я усталъ, пора закусить... (слѣзаютъ и достаютъ бутерброды).

Дьего. О, я тоже не прочь... (Джованни вздыхаетъ).

Принцъ. Вотъ, ѣшьте...

Джованни. А соли нѣтъ...

Принцъ. Ахъ, соль-то мы, кажется, и позабыли... Посмотрите, Дьего, никакъ она была завернута въ бумажкѣ... Нѣтъ? Ну, ничего, обойдемся и безъ нея... (ѣдятъ). Ну-съ, теперь, подкрѣпившись, обсудимъ наше положеніе, что намъ дальше предпринять. Съ чего начать?

Дьего. Я посоветовалъ бы обыскать таверны, навѣрно Эльвира танцуетъ въ одной изъ нихъ...

Принцъ. А ты, Джованни?

Джованни. Великолѣпный принцъ, мое мнѣніе... спать... Я усталъ, чортъ возьми... А впрочемъ, въ таверну итти и я согласенъ...

Принцъ. Но гдѣ же мы будемъ искать ее? (оглядывается. Вдали свѣтитъ огонекъ). Что это?

Дьего. Огонь! Свѣтъ! Идемъ туда!

Принцъ. Идемъ. (Подходятъ, стучать, заглядываютъ, — никакого отвѣта).

Принцъ. Эй! Отвѣчайте! Кто вы тамъ? Отворяйте! Мы двери вышибемъ!

Дьего. Не разглядишь... Свѣтъ такой мутный...

Принцъ. Таверна! Ломай ее! (Наваливаются и выламываютъ предполагаемую дверь. Входятъ).

Сцена 3.

Пустая пещера.

Отшельникъ читаетъ толстую книгу. Тусклый огонекъ глѣбеть рядомъ.

Принцъ, Дьего и Джованни входятъ и, пораженные, останавливаются.

Принцъ. Что это?

Отшельникъ (не обращая на нихъ вниманія, продолжаетъ читать громко. Затѣмъ переворачиваетъ страницу и, послѣ нѣсколькихъ словъ, цѣлуетъ ее и тогда только обращается къ вошедшимъ). Господь съ тобой! Вотъ и ты, Пабло, принцъ камарилльскій... Давно я жду тебя...

Принцъ. Откуда ты знаешь меня? Кто ты?

Отшельникъ. Не испытывай небо... Оно само откроется тебѣ... Ты ищешь Эльвиру и ты найдешь ее...

Принцъ (бросается къ нему, чтобы лучше слышать). Гдѣ? Гдѣ я найду ее? Говори мнѣ скорѣе, я умоляю тебя.

Отшельникъ. Только не на вѣрныхъ путяхъ ищешь ты ее... Въ мірѣ скверны не найдешь ту, которая ушла въ обитель мира... Безъ подвига не приемишь награды... Ты идешь въ таверны, и правые пути закрыты отъ тебя, ибо не знаешь ты, гдѣ право и гдѣ лѣво... Иди, оставь меня молиться...

Принцъ. Куда же мнѣ итти? Я отсюда пойду, куда ты ни пошлешь меня, но только одно слово, одно слово скажи мнѣ—куда итти?

Отшельникъ. Ступай, не мѣшай мнѣ молиться... Иди съ миромъ...

Принцъ (уходитъ). Прости, отче... (Уходятъ. Пещера закрывается. Огонекъ тухнетъ).

Сцена 4.

Безлюдное мѣсто. Ночь.

Принцъ. Куда же итти? Онъ говорилъ такими загадками...

Дьего. Я понялъ такъ, что надо итти въ монастырь...

Принцъ. Пожалуй... Но вѣдь меня не пустятъ въ моему костюмѣ?

Дьего. Надѣньте кожанъ, ваше высочество, ночью никто не замѣтитъ...

Принцъ. Вѣрно... Джованни, кожанъ съ тобой?

Джованни. Такъ точно, ваше высочество... Извольте пожалуйста...

Принцъ (надѣваетъ кожанъ). А въ какую сторону итти? Гдѣ здѣсь монастырь? Какъ не спутать въ такой темнотѣ правую и лѣвую сторону, да и отъ кого считать: отъ меня или отъ зрителя?

Дьего. А по мнѣ, онъ такъ сказалъ, что когда вы думаете—право, это—лѣво, а итти надо вправо, значить, идемъ въ лѣвую сторону...

Принцъ. Bravo, Дьего! Ты становишься положительно остроумнымъ... Что это на тебя такъ дѣйствуетъ? Воздухъ? Дорога?

Дьего. Общество вашего высочества, принцъ...

Принцъ. Молодецъ... Ну, я иду, а вы будьте въ отдаленіи...

Дьего. Слушаю... (идутъ).

Джованни. Ай!

Принцъ. Что съ тобой?

Джованни. Кто-то схватилъ меня за ногу... Ай!..

Принцъ. Не ори... И безъ того страшно...

Джованни. Молчу, молчу... (тихо). Ай... Ну, не надо, не надо...

Принцъ. Куда здѣсь итти? Чертова темь... Ой!... А Что?... Ворота?... (стучить въ ворота). Тукъ-ту.

Голосъ. Кто тамъ?

Принцъ (нараспѣвъ). Странникъ, бродячій странникъ ищеть убѣжища... день и ночь, цѣлый годъ шель отъ святыхъ мѣстъ, принеся новыя вѣсти... Отворите, милости просимъ...

Голосъ. Ступай прочь... И своихъ довольно... Шантрапа.

Принцъ. Пустите странничка... Экіе черти... еще ругаются!.. Дѣло важное есть...

Голосъ. Дѣло? Какое дѣло? Говори толкомъ, что тебѣ нужно?

Принцъ. Не здѣсь ли чистая отроковица, въ мѣрѣ Эльвирой нареченная?

Голосъ. Эльвира? не слыхать такой... А чистыя были, да всѣ вышли.

Еще голосъ. Пстой, padre... Къ отцу Педро наведни приходила одна, не она ли будетъ?

Голосъ. И то... Эй, малецъ, бѣги къ отцу Педро, спроси, не съ нимъ ли Эльвира. Такъ ты говоришь?

Принцъ. Да, да, Эльвира... (раздается женскій голосъ).

Принцъ. Голосъ Эльвиры!.. Это она!.. (стучить въ ворота, намѣреваясь и ихъ выломать).

Голосъ. Ха-ха... Эльвира!.. Это—Анна-Марія...

Другой голосъ. Видно, ты и впрямь издалека идешь, что ея не знаешь... Анну-Марію здѣсь всѣ по голосу узнаютъ...

Принцъ. Да сколько васъ тамъ?

Голосъ. Кого?

Принцъ. Да мужчинъ.

Голосъ. А почитай, что всѣ, милый ты человекъ, а то какъ же?

Принцъ. Да вѣдь это монастырь?

Голосъ. Монастырь.

Принцъ. Женскій?

Голосъ. Хе-хе... Мужской... Обшибся маненько... Не слышишь развѣ, все мужскіе голоса?

Принцъ. Ахъ, чортъ, да я потому-то и думалъ, что онъ женскій...

Другой голосъ. Ишь ты, какой проворный!.. Куда мѣтишь... Прямо въ женскій монастырь...

Принцъ (отходить и начинаетъ рвать на себѣ кожанъ. Свѣтаетъ). Не хочу! Къ дьяволу! Не буду больше шататься по монастырямъ... Вотъ еще! Какой-то полоумный что-то наболталъ, а я и развѣсилъ уши... Не хочу. Не хочу.

Рыцарь (вбѣгаетъ). А! Это ты здѣсь утверждаешь, что Анна-Марія не самая прекрасная сеньора въ мѣрѣ?

Принцъ. Самая прекрасная—Эльвира!

Рыцарь. А-а!.. Не ты ли говоришь, что Анна-Марія не ходитъ по монастырямъ молиться Богу?

Принцъ. Ходитъ-то она ходитъ, а вотъ молится ли она—не знаю...

Рыцарь. А-а! Умри, злодѣй! Видно, ты не знаешь меня, что такъ дерзко отвѣчаешь мнѣ!.. Защищайся... А!..

Принцъ. Кто бы ты ни былъ, вотъ тебѣ... (бьются).

Рыцарь. А-а! Такъ его! Вотъ ему!.. Не такъ сильно... А-а... а-а... Я раненъ... я убить... а-а... (быстро скрывается).

Принцъ (торжествуя побѣду и гордо жестикулируя, стоитъ, опершись на рапиру. Затѣмъ). Еще долженъ быть доволенъ, что такъ счастливо отдѣлался. Я вѣдь и совсѣмъ могъ проткнуть, сражаясь на такомъ маленькомъ разстояніи, какъ пятнадцать шаговъ... А! Идея! Эй, Дьего, Джованни, гдѣ вы тамъ, идите сюда!.. (Они появляются изъ утренняго тумана).

Дьего. Здѣсь, я все время былъ подлѣ васъ, ваше высочество...

Джованни. Я всю ночь бодрствовалъ, карауля, чтобы враги неожиданно не напали на ваше высочество...

Принцъ. Слушайте. Я попадаю въ женское аббатство. Давай сюда пистолетъ...

Дьего. Ахъ, добрый мой принцъ, что вы хотите съ собой дѣлать? Ваша безразсудная смѣлость, ваша безумная отвага погубятъ васъ когда-нибудь...

Принцъ. Давай, давай, я только слегка раню себя...

Джованни (отбѣжалъ далеко въ сторону и слѣдитъ за дуломъ пистолета). О, ваше высочество, ваше высочество, не убивайте себя!.. Убейте лучше меня, собаку (спрятался), чѣмъ свою драгоценную жизнь...

Принцъ (разстегивается и оттягиваетъ кожу на боку). Молчите. Вотъ... Фу, однако страшно...

Дьего. Позвольте мнѣ... Я сдѣлаю это такъ нѣжно, что вы и не почувствуете...

Принцъ. Нѣтъ, нѣтъ, ты еще совсѣмъ меня застрѣлишь... Кто тебя знаетъ, ты можетъ быть только того и

ждешь, чтобы я умерь... Можетъ быть, ты глава заговора на мою жизнь... Нѣтъ, ужъ лучше я самъ... Ну, разь, два... (зажмуриваетъ глаза) руки дрожать... разь...

Джованни (визжитъ). Ай-ай-ай...

Дьего. Вы убьете, вы убьете себя...

Принць. Нѣтъ... Только не говори подь руку... Ну, разь... два... три... (стрѣляетъ, вскрикиваетъ и падаетъ ничкомъ. Друзья его, взвизгнувъ, тоже лежатъ неподвижно).

Дьего (приподымаясь). Ахъ, онъ убиль, онъ убиль себя, нашъ добрый принць... Какъ намъ оплакивать его?.. На рукахъ нашихъ понесемъ мы его...

Джованни (издали, приближаясь). Онъ мертвъ... Вдали отъ дорогой родины сложилъ онъ свою буйную головушку... Подъ одинокой ивой закопаемъ мы его теперь...

Принць. А... Что?.. Кажется, я мертвъ?.. Нѣтъ...

Дьего. О, вы живы, живы, дорогой принць!

Джованни. О, чудесное спасеніе...

Принць. Рана... ничего... Фу, хорошо... А я думалъ, карачунъ... Ну, отойдите немного, ложитесь и стоните... Я тоже буду... (Они отходятъ, ложатся и всѣ трое стонуть). Что? Ничего? Не слышно?

Дьего. Никакъ нѣтъ... Никого... (стонуть). (Слѣва раздается пѣніе и на сцену выходятъ Кармелитки.

Кармелитки (поютъ. Замѣчаютъ лежащаго Принца и бросаются къ нему).

Кармелитки. Ахъ, несчастный юноша, онъ мертвъ...

Онъ погибъ въ смѣломъ бою съ невѣрными, защищая нашъ монастырь...

Отнесемъ его въ монастырь, предадимъ землѣ нашего защитника... (поднимаютъ его).

Принць (стонеть). А-а-а...

Кармелитки. Онъ еще живъ! О, радость!..

Будемъ ухаживать за нимъ...

Пусть отдохнетъ у насъ...

Несемъ, несемъ его... (входятъ Дьего и Джованни).

Кто это?

Принць (съ трудомъ). О-ру-же-носцы...

Кармелитки. Они здоровы, они могутъ сами итти...

Но уставъ запрещаетъ намъ вводить мушчинъ...

Но милосердіе не позволяетъ намъ оставить ихъ, усталыхъ, на дорогѣ...

О, пусть стоятъ они въ ворѣтахъ, пока не выздоровѣетъ раненый...

О, пусть стоятъ они въ ворѣтахъ...

(Кармелитки вытягиваются длинной цѣпью и постепенно уходятъ, такъ что скоро изъ-за сцены снова раздается ихъ пѣніе. Дьего и Джованни ушли. Разговоръ уходящихъ Кармелитокъ).

Кармелитки. О, какое усталое, какое изможденное лицо у рыцаря...

Вѣрно, много лѣтъ уже странствуетъ онъ...

Сколько лишений онъ перенесъ...

Онъ еще молодъ, а на головѣ его уже сѣдые волосы...

У него красивые глаза...

Сестра! Онъ раненый...

Да, у него красивые глаза...

И пухлые, какъ у маленькаго ребенка, губы... (уходятъ).

Сцена 5.

Въ аббатствѣ кармелитокъ.

Кармелитки укладываютъ Принца въ постель.

Кармелитки. Здѣсь тебѣ будетъ покойно, рыцарь... Не болятъ ли твои кровавыя раны? Въ какомъ страшномъ бою получилъ ты ихъ?

Не отражалъ ли ты полчища невѣрныхъ?
Не за свою ли прекрасную даму сражался
ты, юный рыцарь?
Не бился ли ты съ злымъ духомъ, съ са-
мимъ сатаной?

Принцъ (хочетъ заговорить о томъ, что его интере-
суетъ). Святыя сестры!

Кармелитки. О, если тебѣ трудно, не говори.

Мы умѣримъ свое любопытство.

Мы ни о чемъ не будемъ спрашивать
тебя...

Или говори, говори, если хочешь...

Мы до завтра подождемъ твоего раз-
сказа...

У тебя такой красивый голосъ...

Принцъ (хочетъ говорить, сердясь на ихъ болтли-
вость). Сестры.

Кармелитки. Рыцарь прекрасный, не волнуйся...

Опасны твои раны и кровь твоя черна.

Ты долженъ быть спокоенъ.

Тебѣ долго придется лежать, чтобы
поправиться...

Ты у насъ будешь лежать, рыцарь...

Принцъ (кричить). Ай-ай!

Кармелитки (испуганно). Что болитъ у тебя?

Кто тебя неосторожно тро-
нулъ?

Сестры, сестры, не волнуйте
рыцаря...

Принцъ (жестъ рукой). Тсссъ... тсссъ...

Кармелитки (затихая). Тсссъ... тсссъ... рыцарь хо-
четъ говорить... тише... тсссъ...

Принцъ. О, сестры! Какъ мнѣ васъ благодарить?
Вдали отъ родины, усталому, измученному, какъ свѣтлыя
видѣнія, явились вы мнѣ на моемъ трудномъ, кровавомъ
пути.

Кармелитки. Рыцарь...

Принцъ. Васъ самъ Богъ послалъ мнѣ, ибо Онъ на-
правилъ меня въ вашу чистую обитель... И вы поможете
мнѣ, вы спасете меня...

Кармелитки. Мы все сдѣлаемъ для тебя...

Все, что ты хочешь...

Говори, что съ тобой...

Ты такъ прекрасенъ...

Принцъ. Не напрасно долгие годы скитаюсь я, не да-
ромъ столько страшныхъ мѣстъ извѣздилъ я... Я ищу, день
и ночь, ищу ту, которая прекрасна какъ день, съ глазами
темными, какъ ночь... Сестры, сестры, она должна быть
между васъ...

Кармелитки. Какъ ее зовутъ? Кто она? Она мѣрянка?

Принцъ. Да, она мѣрянка, но она святая, и она ушла
изъ міра... Эльвира! Эльвира! Тебя такъ упорно, такъ
страстно я ищу.

Кармелитки. Эльвира? У насъ нѣтъ такой...

У насъ есть Элеонора, Элоиза, Эмилиа...

Принцъ. Кто-нибудь изъ нихъ... О, пришлите ихъ
сюда... Дайте мнѣ увидѣть ихъ, подъ ихъ духовнымъ, скром-
нымъ убранствомъ отгадаю я родныя черты... Я поговорю
съ ними наединѣ...

Кармелитки. Сестры. Сестры. Бѣгите, зовите ихъ...

Мы пришлемъ ихъ тебѣ...

Онѣ сейчасъ придутъ сюда.

Мы оставимъ тебя...

Какъ намъ ни жаль, мы покидаемъ тебя...

Прощай, прощай! Свѣтлый рыцарь...

Но мы еще придемъ, мы еще придемъ къ
тебѣ...

Найди свою Эльвиру и будь счастливъ,
рыцарь...

Прощай! Прощай! Свѣтлый рыцарь!.. (Ухо-
дятъ вправо, откуда, невидимыя, подслу-
шиваютъ).

Принцъ. О, нѣжныя видѣнія моей юности! Какъ небожители, явились вы мнѣ, и вотъ покидаете, чтобы я обрѣлъ ту, которую люблю... Сейчасъ я увижу тебя, Эльвира... Сердце стучить...

Кармелитки (подслушиваютъ и все время шушукуются).
Какъ онъ прекрасенъ!

Неужели одна изъ нихъ окажется Эльвирой?

О, этого надо желать... Онъ будетъ тогда такъ счастливъ.

Эмилиа (входитъ). Миръ тебѣ, рыцарь. Ты меня звалъ?

Принцъ. Подойди ко мнѣ ты, прячущая подъ мрачнымъ нарядомъ свое дивное лицо... Приблизься ко мнѣ, дай взглянуть на тебя... Я узнаю тебя. Моя Эльвира!.. Которая подъ звуки музыки такъ чудно танцевала въ тавернѣ добраго Пинтуччи...

Эмилиа (закрывъ лицо руками). Ахъ! Въ тавернѣ... (убѣгаетъ).

Принцъ. Эльвира!.. Что это?.. Неужели не она?

Кармелитки. Не она, не она!

О, горе, это не она...

Юный рыцарь...

Элоиза (входитъ). Миръ тебѣ... Вотъ я пришла...

Принцъ. Я слышу, я слышу твои шаги, твои кошачьи движенья, ты, ты помнишь? Какъ блестящую наваху выхватила ты, грозя меня убить? Эльвира, я узналъ тебя.

Элоиза. Я сюда ушла изъ міра, потому что меня хотѣли убить, а не тебѣ грозила я навахой, рыцарь... (уходитъ).

Кармелитки. Не она, не она!

Онъ говоритъ про музыку, про таверны!

Онъ рассказываетъ про наваху!..

Какъ онъ юнъ, какъ онъ хорошъ!..

Мы должны помочь ему, утѣшить его!..

Мы должны итти къ нему!..

Принцъ. И это не она? Неужели...

Элеонора (входитъ). Миръ тебѣ! Я пришла къ тебѣ, рыцарь!

Принцъ. О, милый голосъ! Его довольно, чтобы узнать тебя!.. Эльвира! Такимъ же гордымъ голосомъ съ насмѣшкой отвергла ты несмѣтныя богатства, что я разсыпалъ передъ тобой...

Элеонора (гордо). Если бы тогда я была, не была бы я здѣсь теперь, глупый рыцарь (уходитъ).

Принцъ. Ея здѣсь нѣтъ... Ея здѣсь нѣтъ! Ты обманулъ меня, отшельникъ!

Кармелитки. Бѣдный рыцарь! Какъ онъ несчастенъ!

Онъ не нашелъ своей Эльвиры.

Надо утѣшить, надо успокоить его...

О, если бъ я была Эльвирой!..

Идемъ, идемъ къ нему...

(Врываются въ келью и начинаютъ ходить вокругъ кровати, заглядывая въ лицо Принцу, все ускоряя движеніе, пока не кружатся въ какомъ-то быстромъ танцѣ).

Рыцарь нѣжный, рыцарь юный...

Не печалься, я утѣшу...

Принцъ. Какъ онѣ прекрасны!.. Какъ темны ихъ глаза!..

Кармелитки. Рыцарь нѣжный, рыцарь юный,

Это я, твоя Эльвира,

Это я...

Принцъ. Да, да...

Кармелитки. Эльвира...

Старая Аббатисса (входитъ). Это что? Маршъ по кельямъ! (Кармелитки быстро убѣгаютъ. Аббатисса садится къ Принцу). Глупыя дѣвчонки! Прости ихъ, рыцарь, онѣ, вѣрно, хотѣли развлечь тебя... Я, старая, только сейчасъ узнала о тебѣ и прибѣжала спросить, какъ ты себя чувствуешь?..

Принцъ. Ничего... Хорошо...

Аббатисса. Удобно ли тебѣ? Какой ты еще молодой... А уже сражаешься!.. Тебя вѣдь могли убить... Что это?

Съдой волосъ... Такъ ты, значить, много страдалъ? Вотъ и глаза такіе грустные... Тебѣ нуженъ покой... Здѣсь ты никогда не поправишься, дѣвочки всегда будутъ беспокоить тебя... Я уведу тебя отсюда, я къ себѣ переведу тебя... Тамъ тебѣ будетъ тихо, покойно... Ну, пока прощай... Дай, я поцѣлюю тебя, мнѣ, старухѣ, можно.. (цѣлуетъ въ лобъ и уходитъ).

Принцъ (вскочилъ). Она уведетъ, она переведетъ, она изведетъ меня, старая карга!.. Нѣтъ, на это я не согласенъ. Вонъ отсюда, покуда живъ... (спасается влѣво. Темнѣетъ).

Одна кармелитка (входитъ справа). Ахъ, какъ бьется сердце... Скорѣе... (подходить къ кровати). Нѣтъ... Я подожду... Хорошо, я успокоюсь... Какъ я боюсь...

Другая (входитъ справа). Что я дѣлаю?!

Двѣ кармелитки. Это ты?

Ты узнаешь меня?

Я тебя жду...

Я съ тобой...

Какъ нѣженъ твой голосъ...

Какъ блестятъ твои глаза...

Мягкіе, мягкіе волосы...

Какія тонкія у тебя руки...

Какъ горять твои губы...

Твои губы жгутъ меня!

Обними, обними меня крѣпче...

Это... не онъ?..

Не онъ?..

(Занавѣсъ задергивается).

Сцена 6.

Въ одномъ бѣльѣ, передъ занавѣсъ, выползаетъ Принцъ.

Принцъ. Фу, удралъ, слава Богу... Ну-ну... (тихо свиститъ). Дьего! Джованни! Опять васъ нѣтъ?.. (Тихо. Слышны только какой-то храпъ, всхлипываніе, сладкіе вздохи, сдер-

жанная рѣчь). Ну, все равно, буду спать, а тамъ посмотримъ... А старуха-то? Ха-ха-ха... (ложится, но заснуть не можетъ, приподымается и садится). Я не могу ее найти... Гдѣ мнѣ искать ее? Чуть не всю землю исколесилъ я, а ея нѣтъ, нѣтъ нигдѣ.. Куда же мнѣ еще итти?.. (съ отчаяніемъ). Никуда!.. Буду сидѣть здѣсь и ждать.. За что, за что такъ преслѣдуетъ меня судьба? За что? Неужели за мою юность? Такъ чѣмъ же мнѣ искупить ее?.. А! Подвигъ! Отшельникъ говорилъ, что я долженъ свершить подвигъ... Хорошо, я готовъ... Но какой? Кого убить? Хоть бы одинъ невѣрный сунулся сюда... Но нѣтъ!.. Никого!.. Несчастный я!.. Крестовый походъ... Ну, да, какъ же это я позабылъ... Конечно... Эй, Дьего, Джованни, за мной! (Обнаживъ рапиру, здѣсь забытую, безстрашно выступаетъ въ походъ. Уходитъ).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Сцена 1.

Лагерь крестоносцевъ.

Выходятъ великій Готтфридъ Безрукій и самые приближенные къ нему рыцари.

Готтфридъ. Иди и позови сюда пришельца. (Всѣ разсаживаются въ торжественномъ порядкѣ).

Принцъ (постарѣвшій и какъ бы обдѣнѣвшій, входитъ и опускается на колѣни). Великій рыцарь! Я не знаю, какъ тебя величать, но видъ твой внушаетъ мнѣ довѣріе. Прими несчастнаго скитальца подъ свою святую руку и запиши въ свое христіанское воинство.

Готтфридъ. Кто ты и что тебѣ надо? Зачѣмъ хочешь ты сражаться вмѣстѣ съ нами?

Принцъ. О, рыцарь, я жажду славныхъ дѣлъ. Только за ними пришелъ я... Давно, много зимъ и лѣтъ—имъ ужъ я и счетъ потерялъ!—странствую я, я потерялъ моихъ вѣрныхъ друзей... Одного изъ нихъ, донна-Джованни, я оставилъ у воротъ аббатства кармелитокъ, и я не знаю, вернется ли онъ къ жизни, — другой, мой лучшей другъ, донъ-Дьего, попалъ на пути сюда въ плѣнъ къ невѣрнымъ... Удастся ли ему бѣжать? Придется ли намъ свидѣться съ нимъ?

Готтфридъ. Къ дѣлу, рыцарь, къ дѣлу...

Принцъ. Отшельникъ, котораго я встрѣтилъ на моемъ пути, сказалъ мнѣ, что только высокими подвигами могу я искупить свои грѣхи и вернуть себѣ ту, которую я такъ безразсудно потерялъ...

Готтфридъ. Но кто же ты? Отчего таишь ты отъ насъ свое имя и свою родину?

Принцъ. Мнѣ больно вспоминать ее, рыцарь. Далеко, далеко отсюда лежитъ она... Суждено ли мнѣ когда-нибудь вернуться къ ней? Я—сынъ великаго герцога Альфонзо Камарилльскаго... Его величество...

(Раздается шумъ за сценой: трубные звуки, лязгъ оружія).

Готтфридъ. Что? Невѣрные? (бросается бѣжать влѣво).

Принцъ. Храбрый рыцарь, а мнѣ куда?

Готтфридъ. Отвяжись ты отъ меня, ради Бога... До тебя ли тутъ...

Одинъ изъ рыцарей. Ты, кажется, отчаянный... Хочешь итти ко мнѣ, сражаться въ первыхъ рядахъ?

Принцъ. Хочу.

Одинъ изъ рыцарей. Подъ рукой Карла Отважнаго ты узнаешь смерть храбрыхъ (увлекаетъ его направо).

Принцъ (съ изумленіемъ). Вождь туда, намъ сюда? Какъ же такъ? (Уходятъ).

(По сценѣ словно ураганъ проносится, колеблется занавѣсъ. Бой въ полномъ разгарѣ. Появляются сражающіяся группы, пробѣгаютъ и отдѣльные воины).

Гонецъ. Гдѣ Готтфридъ? Гдѣ Готтфридъ? Насъ тѣснятъ... Никто не знаетъ, что дѣлать... (скрывается).

Одинъ воинъ. Такъ и прутъ, такъ и прутъ...

Другой. Его сила...

Воинъ. Всѣ перебиты... Изъ нашего отряда никого не осталось...

Еще одинъ. Сила не взяла...

Третій. А пріѣзжій рыцарь убитъ...

Пробѣгающій. Нѣтъ, только раненъ...

Раненый. Всѣхъ перебили... Наши отступаютъ... Бѣжимъ... (Звуки боя постепенно смолкаютъ).

Сцена 2.

Палуба корабля.

Лежитъ раненый Принцъ, возвращающійся домой. Корабль наполненъ самымъ разнороднымъ людомъ: монахами, ранеными воинами, восточными людьми, женщинами и др., которыхъ не видно, но слышно, такъ какъ они поютъ пѣсни подъ аккомпаниментъ одного или двухъ инструментовъ. Музыка и пѣніе ни на минуту не прекращаются, но иногда затихаютъ, словно совсѣмъ пропадаютъ, а потомъ, постепенно и незамѣтно, опять возникаютъ.

Пѣніе. Волны ласковы и мирны,
Чуть бѣлѣютъ корабли,
Не забыть родимой Смирны,
Розовѣющей вдали!
Отраженъ звѣзды восточной
Блѣдный блескъ струей воды.
Наступаетъ часъ урочный,
Какъ сходили мы въ сады,
И смѣялись, и плескались,
Пѣня плоскій водоемъ;
Какъ встрѣчались, такъ разстались,
Пѣсни плѣнныя поемъ.
Жадный глазъ нашъ еле ловить
Ужъ туманные холмы.
Что морская глубь готовить
Въ пѣнѣ плещущей каймы?

*

Разлукой я томлюсь и день, и ночь.
Въ тоскѣ никто не можетъ мнѣ помочь.
Никто, склоняясь нѣжно къ изголовью,
Не убаюкаетъ меня любовью.
Плыву я вдаль, но сердце вѣчно тамъ,
Гдѣ предавалось сладостнымъ мечтамъ,

Ахъ, вѣчно тамъ, гдѣ я узналъ впервые
Ярмо блаженное для гордой выи.
Когда же, сердце, позабудешь ты
Жестокія, далекія черты?

Принцъ. Теперь я найду тебя, Эльвира... теперь я достоинъ тебя..

(Гдѣ-то раздаются крики, на корабль подымается суматоха, волны плещутся въ борта, по сценѣ пробѣгаютъ люди).

Принцъ. Что случилось? Куда вы?

Одинъ изъ бѣгущихъ. Тамъ человѣкъ... (скрывается).

Принцъ. Что?..

(Черезъ нѣсколько мгновений слѣва выводятъ совершенно мокраго Дьего).

Принцъ. Дьего!

Дьего (смотреть съ изумленіемъ, затѣмъ узнаетъ).
Ваше высочество! (бросается къ нему, со смѣхомъ и слезами, падаетъ на колѣни, цѣлуетъ его руку. Принцъ обнимаетъ его, цѣлуетъ его въ голову).

Одинъ изъ людей. Они нашли другъ друга.

Другой. О, чудо чудное..

Третій. Оставимъ ихъ, не будемъ нескромностью нашей мѣшать радости ихъ встрѣчи... (тихо удаляются).

Принцъ. Какъ ты сюда попалъ? Что съ тобой? Ты весь мокрый?..

Дьего. Я бѣжалъ отъ невѣрныхъ... Три дня и три ночи ношусь я въ морѣ на бревнѣ, и вотъ только теперь замѣтили меня съ корабля и подобрали... О, что они дѣлали со мной, какъ они меня мучили за эти долгіе годы!..

Принцъ. Но не убили?

Дьего. Нѣтъ, передумали, а сперва хотѣли... Они тамъ всѣ поголовно людоѣды и чуть-чуть не съѣли и меня... Но все равно, это прошло, теперь я живъ, здоровъ.. Вотъ вы, вы какъ, ваше высочество?.. Вы больны, ранены? Что вы дѣлали, гдѣ вы были?

Принцъ. Я все время сражался, на конѣ и пѣшимъ,

ночью и днем... И вотъ въ одномъ кровопролитномъ бою, когда невѣрные подкрались къ нашему лагерю, я былъ въ передовомъ отрядѣ, и какой-то мерзавецъ сзади напалъ на меня и выломалъ мнѣ съ правой стороны всѣ девять реберъ...

Дъего. Рана тяжелая? Покажите мнѣ ее...

Принцъ (отстраняясь). Нѣтъ, нѣтъ, она перевязана... Ничего, я терплю...

Дъего. А какъ... Эльвира?..

Принцъ. А! Ея нѣтъ, ея все нѣтъ... Но я ее найду, я ни на минуту не забываю ея... И я знаю, я теперь орудіе Бога, и Онъ наградитъ меня... О, если бы я могъ начать свою жизнь сначала... Совсѣмъ иначе прожилъ бы я ее...

Дъего. Не грустите, не волнуйтесь, ваше высочество... Это вредно вамъ...

Принцъ. Ахъ, мой Дъего... Вотъ какъ намъ пришлось свидѣться... Ты — наполовину съѣденный, я — совершенно искромсанный... Несчастные мы съ тобой... Какъ ты постарѣлъ... У тебя слипаются глаза... Ты спать хочешь?..

Дъего. Да, простите меня, я такъ усталъ...

Принцъ. Иди, иди спать, мой Дъего... Я не держу тебя...

Дъего. Позвольте мнѣ остаться подлѣ васъ, ваше высочество, спать здѣсь, у вашихъ ногъ...

Принцъ. Спасибо тебѣ... Хорошо, спи здѣсь...

Дъего (цѣлуетъ его руку, держитъ ее въ своей и укладывается спать). Какъ я радъ, какъ я счастливъ, ваше высочество... Вотъ я опять съ вами...

Принцъ. Спи, спи, Дъего... Я тоже усталъ... (оба засыпаютъ).

(Слышны музыка и пѣніе. Темнѣетъ. Справа загорается свѣтъ, и является дивное Видѣніе).

Видѣніе. Принцъ...

Принцъ (постепенно просыпается). Эльвира...

Видѣніе. Принцъ...

Принцъ. Эльвира... Ты пришла ко мнѣ... Видишь, какъ я страдаю... Подойди ко мнѣ...

Видѣніе. Я не могу, принцъ...

Принцъ. Ты не хочешь, Эльвира... Ради тебя выломали мнѣ всѣ ребра, а ты еще въ гнѣвѣ на меня...

Видѣніе. Я не могу...

Принцъ. Тогда я, я подойду къ тебѣ... И ты не уйдешь, какъ тогда, помнишь... Я иду къ тебѣ, потому что я уже не могу больше...

Видѣніе. Еще не время, принцъ...

Принцъ (съ крикомъ порывается къ ней). Эльвира!.. (Видѣніе исчезаетъ).

Дъего (проснулся отъ крика, вскочилъ). Что съ вами, что случилось, ваше высочество?..

Принцъ. А, Дъего!.. Тамъ Эльвира, тамъ Эльвира!.. Она только что была здѣсь... Какъ она прекрасна, какимъ огнемъ горятъ ея глаза!..

Дъего. Ея нѣтъ...

Принцъ. Она была, она была, Дъего... Бѣги скорѣй туда, смотри, гдѣ она... О, я съ ума сойду, Дъего...

Дъего (бѣжитъ). Здѣсь никого нѣтъ, принцъ...

Принцъ. Смотри за бортъ, Дъего, смотри за бортъ, она упала въ море... Бросай скорѣй спасательный кругъ, вотъ тебѣ простыня... Ты видишь ее?..

Дъего. Нѣтъ...

Принцъ. Кричи, зови ее... Она тамъ, она захлебнется, Дъего... Ахъ, я не могу, я не могу больше...

Дъего (кричитъ). Эльвира... Эльвира... Гдѣ ты...

Принцъ. Она ушла, она совсѣмъ ушла отъ меня... Я потерялъ ее... Эльвира!.. (кричитъ, хватается за бокъ и падаетъ).

Дъего. Ай-ай... Ваше высочество, ваше высочество... Принцъ умеръ... (начинаетъ срывать съ него повязку и открываетъ совершенно бѣлое, безъ единой царапины тѣло). Онъ уже похолодѣлъ, онъ совсѣмъ побѣлѣлъ, ни одной кровинки нѣтъ въ его тѣлѣ... Ай-ай... Что я теперь буду дѣлать?.. Принцъ умеръ... (Склоняется въ горѣ. Слышна музыка).

Сцена 3.

Городъ Санъ-Матильда.

Сцена полна волнующагося и смущеннаго Народа Камарилльскаго.

Народъ. Охъ-хо-хо, осиротѣли мы...
Куда дѣвался молодой герцогъ?
Нѣсколько лѣтъ какъ умеръ старый герцогъ,
а новаго нѣтъ у насъ...
Приближаются послѣднія времена, грядетъ,
грядетъ антихристъ...
Охъ, бѣдные, бѣдные мы...
Словно стадо мы теперь безъ пастыря...
Нѣтъ у насъ больше герцога...
Придутъ враги и закидаютъ насъ шапками...
Что мы тогда будемъ дѣлать?
Возьмутъ они насъ голыми руками...
Охъ, бѣдные, бѣдные мы...

(Входятъ Бенедиктиссимусъ и Канцлеръ, совершенно не измѣнившіеся съ первыхъ сценъ. За ними Начальникъ Альгвазиловъ).

Бенедиктиссимусъ. Тяжкое испытаніе насылаетъ на страну нашу Господь... За великіе грѣхи наши караетъ онъ насъ...

Канцлеръ. Но, кажется, гнѣвъ Его смягчается, ибо страна понемногу расцвѣтаетъ...

Бенедиктиссимусъ. Виѣшнее это счастье, сеньоръ канцлеръ, одна видимость, а душа пуста...

Канцлеръ. За то кошель полонъ... скоро ни одного долга не останется...

Бенедиктиссимусъ. Вотъ она,—свѣтская власть. И въ такое горестное время помышляетъ о суетномъ...

Гонецъ (вбѣгаетъ). На взмыленномъ конѣ примчался я сюда, святой отецъ (падаетъ передъ нимъ на колѣни),

сеньоръ канцлеръ (на колѣни передъ нимъ)... Издали гонецъ машетъ мнѣ руками: великій герцогъ прибылъ.

Бенедиктиссимусъ. Милосердый Боже, какъ возблагодарить Тебя!

Канцлеръ (возглашаетъ). Великій герцогъ прибылъ!

Народъ (волнуется, то замирая, то оживляясь). А-а-а!.. Великій герцогъ прибылъ!..

Канцлеръ. Мы пойдемъ впередъ встрѣтить герцога (къ начальнику альгвазиловъ). Позаботьтесь здѣсь о встрѣчѣ...

Начальникъ (склоняется). Слушаю-сь...

Бенедиктиссимусъ. Благословеніемъ освятимъ пріѣздъ герцога. (Они уходятъ. Народъ строится для встрѣчи, шумя неяснымъ гуломъ. Со всѣхъ сторонъ появляются альгвазилы и оттѣсняютъ народъ, такимъ плотнымъ рядомъ становясь передъ нимъ, что его не видно, а можетъ и вовсе нѣтъ. Наступаетъ полная тишина. Затѣмъ гдѣ-то далеко раздаются привѣтственные крики, все громче, все ближе, и, наконецъ, вся сцена наполняется ими. Альгвазилы молчатъ. Появляются Герцогъ, почти не отличающійся отъ своего отца, донъ-Дьего, Бенедиктиссимусъ, Канцлеръ и прочая свита).

Герцогъ (къ народу). Здравствуй, мой добрый народъ (крики). По случаю радостнаго возвращенія моего, объявляю на сегодня народный праздникъ. (Новые крики. Герцогъ идетъ дальше). А о бѣдномъ Джованни нѣтъ никакихъ извѣстій?

Бенедиктиссимусъ. Онъ скончался смертью христіанина, въ святомъ мѣстѣ, раскаявшійся въ грѣхахъ, и преданъ торжественному погребенію.

Герцогъ. Мой лучший, мой преданнѣйшій другъ... Миръ тебѣ.. (Вдругъ изъ-за альгвазиловъ выдѣляется старая, безобразная Нищенка).

Нищенка. Подайте, Христа ради, копеечку... (Герцогъ презрительно швыряетъ монету. Нищенка нѣжнымъ голосомъ). Благодарю тебя, принцъ...

Герцогъ (поблѣднѣвъ, шатаясь). Эльвира... (но уже нѣтъ никого).

Дъего. Что съ вами, мой герцогъ? Вы больны? (поддерживаетъ его).

Герцогъ. Ничего... я усталъ... это съ дороги... Старая... нищенка... безобразная... ахъ... (уходятъ).

(Начинается народный праздникъ. Затѣмъ появляется Герцогъ въ партикулярномъ платьѣ и Канцлеръ. Постепенно вечерѣтъ).

Герцогъ. Я хочу инкогнито смѣшаться съ толпой и отъ нея самой узнать о ея нуждахъ...

Канцлеръ. Народъ сумѣетъ отблагодарить ваше величество...

Герцогъ. Не надо, не надо... Онъ заслужилъ мои заботы... Объявите вѣрнымъ нашимъ подданнымъ о первой нашей милости... Пусть они радуются, какъ дѣти...

Канцлеръ. Воля вашего величества сейчасъ будетъ исполнена... (Герцогъ идетъ въ народъ и смѣшивается съ толпой).

Канцлеръ. Народъ Камарилльскій! Слушай волю новаго герцога, новую милость тебѣ! Встаетъ надъ страной новая заря!

Народъ (волнуется, шумитъ и затихаетъ). Слушайте, слушайте волю великаго герцога, отца нашего...

Канцлеръ. Великій герцогъ, въ неустанномъ о благѣ народа своего попеченіи, о духовномъ его процвѣтаніи, въ первый же день своего прибытія въ Санъ-Матильду,—приказалъ объявить великую народу милость: съ завтрашняго дня его величество начинаетъ строить для него три новыхъ костела, бѣльшихъ, чѣмъ всѣ, до сихъ поръ существующіе въ мірѣ. Десятина увеличивается вдвое. Ура! Милостивому, доброму герцогу, ура!

Народъ. Ура! Ура! Нашему радѣтелю, великодушному герцогу! Ура! (Начинаютъ веселиться и рѣзвиться, какъ дѣти).

Герцогъ. Господи! Дай мнѣ смиреніе... Вѣдь и я самъ старъ... Но она такъ прекрасна, такъ молода... Ахъ, она

тоже старуха... Нѣтъ, я не хочу, я не хочу этого... Боже мой, что мнѣ дѣлать... (Вдругъ видитъ Бенедиктиссиму, тоже въ партикулярномъ платьѣ). Святой отецъ!

Бенедиктиссимусъ. Ваше величество, ради Бога, тише. Меня не должны здѣсь узнавать, иначе я не узнаю своей паствы...

Герцогъ. Помогите мнѣ, спасите меня...

Бенедиктиссимусъ. Что съ вами? Говорите...

Герцогъ. Укрѣпите мою вѣру, даруйте мнѣ послушаніе... Богъ караетъ меня за старые грѣхи мои... Мнѣ надо смириться, я долженъ принимать съ кротостью, а я...

Бенедиктиссимусъ. Молитесь, молитесь, герцогъ, только молитва поддержитъ вашъ слабѣющій духъ...

Герцогъ. Этого мало... Я долженъ что-нибудь сдѣлать, что сердце мое наполнить умиленіемъ и восторгомъ...

Старая цвѣточница. Купите цвѣточковъ, сеньоръ...

Герцогъ (отгоняетъ ее). Ступай прочь, старая...

Бенедиктиссимусъ. О, постройте намъ новый монастырь, и Богъ пошлетъ вамъ миръ и покой...

Герцогъ. Хорошо... Богъ приметъ эту жертву мою и будетъ милостивъ ко мнѣ... Объявите о моей новой милости народу. Пусть только канцлеръ не вздумаетъ обложить налогомъ хлѣбъ, воду, вино, мясо, табакъ, свѣчи, мыло и керосинъ. Идите...

Бенедиктиссимусъ (склоняясь). Это — святой... (отходить).

Герцогъ. О, я чувствую, миръ уже сходитъ въ мою душу... Смиреніе, смиреніе пошли мнѣ Господи, дай побѣдить мнѣ въ себѣ духъ гордыни, духъ сластолюбія. Дай увидѣть и любить душу чистую, а грѣховное тѣло сокрушить вконецъ.

Старая цвѣточница. Купите цвѣточковъ, знатный сеньоръ...

Герцогъ. Эльвира! (простираетъ руки, и въ нихъ остается только букетъ цвѣтовъ, сама же Цвѣточница исчезаетъ). Это ты, это ты была, я узналъ тебя.. (цѣ-

луешь цвѣты). Твои руки держали эти цвѣты, твои губы цѣловали эти цвѣты, и аромат ихъ впивала ты... О, кто бы ни была ты, старая, уродливая, больная, — я принимаю тебя... Я люблю тебя, тебя саму, и я зову тебя...

Старая нищенка. Подайте копеечку, рыцарь...

Герцогъ. Эльвира! (хватаетъ ее).

Нищенка. Ай-ай... что вы дѣлаете, сударь? За что вы обижаете жалкую нищенку, оскорбляете честную вдову? Карауль!

Герцогъ (изумленно, сконфуженно). Ахъ, я ошибся, извините...

(Слѣва выскакиваютъ на крикъ Альгвазилы и бѣгутъ за Герцогомъ, который черезъ всю сцену со всѣхъ ногъ удираетъ отъ нихъ).

Альгвазилы. А! Попался, голубчикъ! Тебя-то намъ и надо! Давно ужъ ты проказничаешь на улицахъ, кого подкальываешь, кого насилуешь. (Кричатъ и свистятъ. На свистъ выбѣгаютъ Дворники и тоже несутся вслѣдъ).

Дворники. Небось, не уйдешь...—Пымали?—Никакъ, убѣгъ... (Всѣ скрываются. На сценѣ пусто. Темно).

Сцена 4.

Торжество провозглашенія герцога за его неоцѣнимыя передъ отечествомъ заслуги королемъ.

На возвышеніи стоитъ кресло, на которомъ возсѣдаетъ новый Король, прежде Герцогъ, а еще раньше Принцъ, теперь уже дряхлый и согбенный. Подлѣ него Дъего, Канцлеръ и Бенедиктиссимусъ. Два Герольда время отъ времени глупо дудятъ въ длинныя трубы: дуду-дуду! дуду-дуду! Воины съ обнаженнымъ оружіемъ. Народъ.

Передъ королемъ непрерывно проходятъ представители разныхъ городовъ, сословій и учрежденій новаго королевства, подносящіе титуль короля и драгоценныя подарки. Эти представители держатъ привѣтственную рѣчь, ни на одну минуту не прекращающуюся, припадая передъ королемъ на колѣни и передавая подарокъ. Въ наиболѣе торжественныхъ мѣстахъ рѣчи народъ кричитъ ура. Трубачи кое-когда дудятъ.

Рѣчь представителей народа, льющаяся непрерывно. Великій Король! За неисчислимыя свои милости и благодѣянія намъ прими отъ насъ, вѣрныхъ и любящихъ дѣтей твоихъ эти драгоценныя подарки, которые мы собрали между собой... Всю свою жизнь посвятилъ ты на заботы и труды для насъ, насъ, своихъ ничтожныхъ подданныхъ, и не только о тѣлѣ нашемъ думалъ ты, но спасалъ наши грѣшныя души... И ужъ не шлемся мы по ночамъ, не пьянствуемъ, не играемъ въ кости, но съ восьми часовъ вечера, счастливые, запираемся въ домахъ, и молимся... И столь сильно обогатилъ ты страну, что теперь даже самый послѣдній нищій камарилецъ въ жалкой сумкѣ своей прикапливаетъ деньги. Но не только къ намъ, къ чужимъ народамъ также милостивъ ты и великодушенъ... О тебѣ вездѣ говорятъ, слава твоя разносится по всему міру, и скоро, говорятъ, отовсюду будутъ съѣзжаться чужеземцы поглядѣть на тебя... Да здравствуетъ и живетъ на вѣки нашъ отецъ и благодѣтель! (Крики и трубы).

Король (все время нѣтъ-нѣтъ да и говорилъ одно имя: Эльвира! Эльвира!). Эльвира!.. Спасибо, спасибо, дѣтки... Не надо, мнѣ ничего не надо... Эльвира!.. ни подарковъ, ни славы, ни даже этихъ трубачей... Только Эльвиру... Эльвиру... Старую, больную, грязную, съ гнойными ранами и кровавыми язвами... Эльвиру, Эльвиру я хочу... (Трубы и крики. Сквозь толпу протискивается Эльвира, взбѣгаетъ по лѣстницѣ и бросается на шею королю).

Эльвира. Мой принцъ!

Король (обнимаетъ ее) Эльвира!..

Дьего. О, король, король, на кого ты меня покидаешь?..
(но какъ ни тянется за ними, какъ ни прыгаетъ, онъ взлетѣть не можетъ).

Бенедиктиссимусъ. Вотъ—награда любви и вѣрности... (Народъ поетъ).

Занавѣсъ.

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ВЪ „COMEDIA DELL'ARTE“.

(Отрывокъ).

Наиболѣе характерная и устойчивая черта Итальянской Комедии и наиболѣе общеизвѣстный ея признакъ—это опредѣленные и почти неизмѣнные сценическія фізіономіи, сводящіяся къ небольшому числу популярныхъ театральныхъ типовъ (Tipi fissi). Импровизація требовала отъ актера полной увѣренности на сценѣ; онъ долженъ былъ „войти въ роль“ и прочно съ нею сжиться. Отсюда—строгое соблюденіе амплуа, доведенное до того, что названіе постоянно исполняемой роли служило актеру также и сценическимъ псевдонимомъ. Если говорили „la dotta Isabella“, или „la bella Angelica“, это еще не значило, что актриса крещена такимъ именемъ, такъ какъ это могло быть лишь названіемъ исполняемой ею роли. Съ другой стороны, типъ, созданный актеромъ, иногда получалъ то имя, какое носилъ его создатель (напримѣръ, типъ „Изабеллы“ былъ созданъ Изабеллою Андреини). Соблюдались тонкіе оттѣнки амплуа, въ родѣ 2-го и 3-го влюбленнаго, и актеры рѣдко переходили изъ одного амплуа въ другой, сохраняя одинъ и тотъ же репертуаръ до глубокой старости. G. A. Zanotti игралъ роли любовника — „Ottavio“ до семидесяти лѣтъ и былъ прозванъ „Il vecchio Ottavio“; Malherbe, видѣвшій представленіе итальянцевъ въ Парижѣ, въ 1613 г., жалуется на черезчуръ преклонный возрастъ нѣкоторыхъ исполнителей. Дѣйствительно, Giovanni Pellesini игралъ тогда роль Комическаго слуги— „Pedrolino“ въ возрастѣ 87-ми лѣтъ! *).

*) L. Rasi.—„I Comici Italiani“. Firenze, 1897 г.

Извѣстны нѣсколько сотъ названій итальянскихъ комическихъ типовъ, и разобраться въ нихъ всѣхъ имѣло бы смыслъ только въ специально посвященномъ этому вопросу изслѣдованіи; и это тѣмъ болѣе, что всѣ они похожи на нѣсколько основныхъ и наиболѣе распространенныхъ типовъ.

Вотъ главныя фигуры ансамбля итальянскихъ комиковъ. Два старика (Панталонъ и Докторъ), первый и второй Zanni (комическіе слуги, на примѣръ—Бригелла и Арлекинъ), Капитанъ, первый и второй любовникъ (Innamorato), первая и вторая дама (Donna Innamorata), и служанка (Fantesca). Для разыгрыванія сценаріевъ болѣе ранняго типа этихъ десяти лицъ было почти достаточно, и компаніи комиковъ состояли изъ 10-ти—15-ти человекъ*), а въ періодъ упадка количество дѣйствующихъ лицъ значительно увеличилось.

Сценическіе типы распадаются на двѣ главныя категории: на „parti grave“ и „parti ridicole“. Первые—это обѣ пары любовниковъ. Впрочемъ, о серьезности ихъ роли не слѣдуетъ составлять преувеличеннаго мнѣнія: ихъ діалоги и монологи, правда, часто окутаны дымкой поэзіи, и даже драматизма, но это не мѣшаетъ имъ принимать активное

*) По словамъ F. Andreini, группа „Comici Gelosi“ состояла изъ слѣдующихъ лицъ: Докторъ, Панталонъ, Zanne, Francatippe, 1-й и 2-й Innamorato, старый Zannobio, 1-я и 2-я Donna Innamorata и Франческа. (F. Andreini.—„Le Bravure del Capitano Spavento“. 1607).

Constantini опредѣляетъ слѣдующій составъ, нужный для исполненія итальянской комедіи: 2 любовника, 3 дамы (двѣ—для серьезныхъ ролей и одна—для комическихъ), неаполитанскій „Scaramuccia“, венеціанскій Панталонъ, болонскій Докторъ, Меццетинъ и Арлекинъ—оба изъ Ломбардіи. (A. Constantini.—„La Vie de Scaramouche“. 1698).

По „D. Biancolelli“, составъ труппы долженъ быть таковъ: Панталонъ (именуемый въ Италіи „Il signor Magnifico“), Докторъ (оба старики), 1-я и 2-я amoureuse, субретка, 1-й и 2-й amoureux, Капитанъ, Scaramouche (играющій также и капитановъ), Trivelin или Scarin (1-й Zanni—затѣйникъ, интриганъ), Арлекинъ (2-й Zanni—затѣйникъ, простакъ). Кромѣ этихъ, онъ указываетъ слѣдующія роли, стоящія болѣе въ сторонѣ: Tartaglia (зайка), Gianguolo (капитанъ изъ Калабрии) и Полишинель. (Gueulette.—„Traduction du Scenarior de Biancolelli“. Рукопись—до 1760 г.).

участіе въ самыхъ фарсовыхъ сценахъ. Роли капитановъ и служанокъ носятъ уже чисто комическій характеръ. Но квинтэсенція веселья и главная опора балаганнаго начала сосредоточены были въ категоріи дѣйствующихъ лицъ, игравшихъ въ маскѣ и составлявшихъ отдѣльную группу подъ названіемъ „maschere“. Главнѣйшіе представители—Панталонъ, Докторъ и оба Zanni. Эти „маски“ (въ особенности „Zanni“) были столпами, на которыхъ покоился успѣхъ и залогъ популярности Итальянской Комедіи: все было рассчитано на то, чтобы одно ихъ появленіе вызывало подъемъ веселья, и сама ихъ внѣшность, маска, костюмъ и повадка были къ этому приноровлены*).

Поэтъ P. I. Martelli (1665—1727) даетъ объясненіе причинъ успѣха Commedia dell'arte и того веселья, какое распространяли вокругъ себя комическія маски: „...И какой меланхоликъ сумѣетъ сохранить серьезность при появленіи Доктора, который, будучи уже на сценѣ, сгибаетъ половину своей огромной и отвислой шляпы, которая и вся, и въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ смята и скручена безпокойной дерготней, и усугубляетъ несуразность плохо наряженной фигуры? На своемъ болонскомъ діалектѣ, смѣшномъ для прочихъ итальянскихъ ушей вслѣдствіе своей неотесанности, онъ даетъ волю своей жестикуляціи и болтливости, не въ мѣру растянutoй и обильной не къ мѣсту примѣненными доктринами. Вашъ Панталонъ, не менѣе смѣхотворенъ со своей маской, напоминающей сову, въ особенности, когда вы видите это рыло претендующимъ на роль Ганимеда и фата и принимающаго на старости лѣтъ повадку юноши; тотъ же человекъ, скупой отъ природы, щедрый только на похотливость, хитрый, себѣ на умѣ, подозрительный и на дѣлѣ всетаки попадающій впросакъ. Венеціанскій діа-

*) 1-й Zanni являлся носителемъ динамическаго комизма, а 2-й Zanni представлялъ комизмъ статическій. Традиціонное соединеніе ловкача и простака, взаимно другъ друга дополнявшихъ и выдѣлявшихъ, было одною изъ самыхъ мудрыхъ чертъ Итальянской Комедіи.

лектъ со своими легкими поговорками вызоветъ насмѣшки флорентійцевъ и всѣхъ присутствующихъ тосканцевъ. Финокіо—этотъ обманщикъ, хватающійся даже за соломинку, чтобъ не утонуть, кажется тѣмъ болѣе ловкимъ и хитрымъ, чѣмъ болѣе довърчивыми изображаются тѣ, кто попадаетъ на его удочку; а его діалектъ горнаго жителя изъ окрестностей Бергамо—не изъ самыхъ красивыхъ въ Италіи; его костюмъ, бѣлый съ зеленымъ, его приплюснутый беретъ, его маска, напоминающая сурка,—все это заставляетъ смѣяться. Но что сказать о томъ жителѣ низменныхъ окрестностей Бергамо? Эта его круглая, черная маска, вокругъ рта волосатая, какъ у обезьяны, этотъ его разноцвѣтный, плотно прилегающій костюмчикъ, его фигура, скорѣй низенькая, никогда не знающая, застыть ли ей въ скрюченной позѣ, или безпокойно вертѣться; эта его жестикуляція, иногда бѣшенная, а иногда апатичная; эти забавные страхи и эти мгновенныя сердитыя бравуры; эти невинныя глупости, все то что у него всегда наготовѣ; этотъ его спеціально свойственный „Zanni“ діалектъ, выкрики, восклицанія, паденія,—были и всегда будутъ любимымъ наслажденіемъ народа. Нельзя умолчать о зубастой, ловкой, смѣлой и злоязычной служанкѣ, а также о Ковьело, о Джангурголо, или о Пульчинелла, всесторонне смѣхотворныхъ. Эти храбрыя неправдоподобія въ игрѣ вызываютъ смѣхъ, какъ вызываютъ смѣхъ люди разбитые параличомъ или инымъ безболѣзненнымъ недугомъ, дрожащіе и косноязычные. Даже сами любовники, вслѣдствіе аффектаціи своихъ разсужденій, не лишены комизма, такъ что я долженъ сознаться, что отдалъ бы „Эдипа“, Софокла и „Амфитріона“ Плавта за одну изъ такихъ небылицъ, разыгранную хорошими гистріонами... *).

Подобное описаніе есть и у „Perrucci“: „Смѣшная сторуна вещей заключается въ несуразности, или въ уродствахъ природы, въ искаженныхъ лицахъ, каррикатурныхъ носсахъ, острыхъ лбахъ, лысости, въ длинныхъ ушахъ, калѣченныхъ

*) E. Camerini.—„I Precursori del Goldoni“. 1872.

ногахъ, каковыя дефекты могутъ быть поддѣланы или масками, или умѣнемъ, и на столько же вызываютъ смѣхъ при подражаніи, на сколько въ жизни вызываютъ состраданіе и грусть. Чрезвычайно смѣшонъ будетъ Zanni, съ очень маленькими глазами, чернымъ лицомъ, всклокоченными бровями, смѣшонъ всѣми своими позами; также Поличинелла, весь немного развинченный, съ горбатымъ и длиннымъ носомъ, некрасивый, тупой и глуповатый во всѣхъ своихъ жестахъ“ *).

Ни одинъ театръ не умѣлъ такъ искусно пользоваться разнообразностью стили дѣйствующихъ лицъ и такъ ясно „чувствовать свою палитру“! Комическія сцены въ испанскихъ трагедіяхъ и въ трагедіяхъ Шекспира носятъ характеръ вставныхъ интермедій, а испанскія комедіи, хотя и включаютъ элементы высокой комедіи наряду съ элементами фарса, но эти отгѣнки распадаются въ нихъ также скорѣй по отдѣльнымъ сценамъ, чѣмъ по отдѣльнымъ дѣйствующимъ лицамъ. Мольеръ, жившій въ псевдоклассической Франціи, нѣсколько затушеваль красочные контрасты итальянской комедіи, а новый театръ только и заботится о томъ чтобы ни одинъ персонажъ не выбивался изъ намѣченнаго авторомъ комическаго, фарсоваго, „Чеховскаго“ и прочихъ стилей. Исключеніе составляетъ мелодрама, но она пользуется только двумя красками: черной и бѣлой. Эволюція новаго европейскаго театра шла въ этомъ отношеніи въ совсѣмъ другомъ направленіи, чѣмъ, на примѣръ, эволюція музыки, только въ послѣднее время постигшей всѣ богатства оркестровки, тогда какъ театръ потерялъ секреты былыхъ своихъ оркестровыхъ достижений. Я не стану доказывать, что

*) A. Perrucci. — „Dell'arte rappresentativa premeditata e dall'improvviso“. 1699 г.

Переводы итальянскихъ текстовъ очень затрудняются тѣмъ, что на русскомъ языкѣ нѣтъ слова, соответствующаго итальянскому понятію „Ridicole“, имѣющему такое важное значеніе въ Commedia dell'arte. Еще Алексѣй Толстой жаловался, что на русскомъ языкѣ нельзя отмѣчать разницу между „drôle“ и „ridicule“.

„инструментовка ролей“ въ театрѣ такъ же важна, какъ инструментовка въ музыкѣ, но все же, пожалуй, не мѣшало бы иногда подражать „Commedia dell'arte“, гдѣ, напримѣръ, Арлекинъ и Педролино, ворвавшіеся со своими неуклюжими остротами и ужимками посреди утонченнаго поэтичнаго діалога влюбленныхъ, должны были производить эффектъ, сходный съ эффектомъ гобоевъ и фаготовъ, начавшихъ побрякивать среди кантилены скрипокъ.

Въ зависимости отъ ихъ провинціального происхожденія, комическіе типы раздѣлялись на сѣверныхъ и южныхъ. Ломбардія, Венетія и Болонья дали главнѣйшія сѣверныя маски (Панталонъ, Докторъ и сѣверные Zanni: Бригелла, Педролино, Арлекинъ и др.); сѣверная „Commedia dell'arte“ достигла наибольшей степени развитія. Южныя маски почти всѣ происходили изъ Неаполя и носили болѣе узко-народный характеръ (Пульчинелла, Скарамучча, Тарталья, Ковьело и др.).

Въ видѣ исключенія, нѣкоторые комическіе типы не имѣли строго опредѣленнаго амплуа: такъ, Pasquariello бывалъ и „отцомъ“, и „службой“, Spacca бывалъ и „капитаномъ“, и „докторомъ“, Stangurgolo бывалъ и „капитаномъ“, и „отцомъ“, и „службой“, Olivetta бывала и „serva“, и „amorosa“.

К. МИКЛАШЕВСКІЙ.

„КЪ ИСТОРИИ СЦЕНИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ COMMEDIA DELL'ARTE“.

III.

Въ бесѣдахъ съ Вами я съ умысломъ не касался одного вопроса, который безъ сомнѣнія неоднократно возникалъ у Васъ и который можетъ быть обозначенъ такъ: почему актеръ новаго театра обязанъ изучать искусство импровизаціи.

Мысль, высказанная Крэггомъ, „что въ канатномъ плясунѣ можетъ оказаться больше театральнаго искусства, чѣмъ въ нынѣшнемъ актерѣ, читающемъ роль на память и зависящемъ отъ суфлера“, поставила передъ новымъ театромъ проблему первой важности и въ значительной мѣрѣ опредѣлила характеръ ея разрѣшенія.

Современная теорія сценическаго искусства, требуя отъ актера прежде всего способности къ „переживанію“ и „перевоплощенію“, отвергаетъ первенствующее значеніе техники, считая ее чѣмъ-то второстепеннымъ и, даже, пожалуй, ненужнымъ въ театрѣ. Чрезмѣрное увлеченіе „переживаніемъ“ привело къ неожиданнымъ результатамъ и поставило въ тупикъ наиболѣе яркихъ его приверженцевъ. Оказалось на дѣлѣ, что текстъ пьесъ даже эпигоновъ Островскаго грѣшитъ условностями, мѣшающими проявлять актерамъ естественность чувства. Весьма логически послѣдовательнымъ поэтому было бы во имя „жизненности“ вовсе отказаться на сценѣ отъ постановокъ пьесъ и замѣнить ихъ инсценировками отдѣльныхъ главъ того или иного психологическаго романа.

Подобныя инсценировки, принимающія на сценѣ русскаго современнаго театра характеръ спорадическаго явленія, представляютъ собою отрицаніе театра, какъ такового, и нарушаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ его многочисленныя традиціи.

Новый театръ, весь выходя изъ вышеприведенной мною мысли Крѣга, въ своей основѣ стремится возстановить потерянные за послѣднее время театральныя традиціи, и тѣмъ самымъ генетически соединить новое сценическое искусство со старымъ. Подобное соединеніе возможно при одномъ лишь условіи: если новымъ театромъ будетъ найдено и усвоено то, что составляетъ первичное основаніе сценическаго искусства стараго театра. Таковымъ, мнѣ кажется, слѣдуетъ считать итальянскую импровизованную комедію.

Скромно появившійся въ Италіи во второй половинѣ XVI в. и пышно расцвѣтшій въ XVII в. новый родъ сценическихъ представленій (*commedia dell'arte*) представляетъ собою исключительное по интересу явленіе для историка западно-европейскаго театра. Въ „*commedia dell'arte*“, какъ въ фокусѣ, сконцентрированы многочисленные и разнообразныя элементы сценическаго искусства. Прежде всего здѣсь произошла окончательная фиксація театральныя персонажей, принявшая формулу четырехъ постоянныхъ масокъ итальянскаго театра, затѣмъ искусство каботинажа и „*menestrellerie*“ нашло теоретическое обоснованіе и надлежащее сценическое истолкованіе и, наконецъ, изъ всей массы сюжетовъ были выбраны только основныя, осуществленіе которыхъ на сценѣ возможно было безъ всякихъ вспомогательныхъ средствъ, какъ-то: психологическая мотивация, дополнительное настроеніе, получаемое зрителемъ отъ опредѣленной игры даннаго актера... etc.

Итальянская импровизованная комедія, представляя собою въ планѣ сценической техники только свободное комбинированіе вполнѣ опредѣленнымъ количествомъ техническихъ приѣмовъ, отмѣчена еще тѣмъ, что у актеровъ, ее исполнявшихъ, было сильно развито то, что мы теперь называемъ театральной эмоціей.

„Актеръ долженъ имѣть радостную душу“, вотъ тотъ обычный совѣтъ, который давали слѣдующему поколѣнію итальянскіе актеры.

Отсутствіе психологической мотивации въ общемъ рисункѣ данной роли, совершенное знаніе искусства жеста и позы, умѣніе координировать движенія своего тѣла съ тѣмъ пространствомъ, гдѣ происходитъ дѣйствіе, обладаніе чувствомъ мѣры въ перечисленіи деталей, развитіе способности слѣдить за своими партнерами и быть въ состояніи выполнить тѣ заданія, которыя они предложатъ—вотъ основы сценической техники *commedia dell'arte*, основы, которыя необходимо изучить современному актеру, желающему быть въ новомъ театрѣ. Я съ умысломъ не касался этого важнаго вопроса въ предыдущихъ бесѣдахъ съ Вами потому, что считалъ не въ правѣ навязывать Вамъ свою собственную точку зрѣнія и желалъ занимать Ваше вниманіе только чисто теоретическимъ разсмотрѣніемъ основъ сценической техники итальянской импровизованной комедіи безъ всякихъ намековъ на современную русскую театральную дѣйствительность.

Теперь дѣло обстоитъ нѣсколько иначе. Вы кое-что усвоили и кое-что сдѣлали въ области разверстки сценаріевъ. Вамъ необходимо сознательно отнестись и къ тому, что Вы сейчасъ дѣлаете, и къ той цѣли, которая явится результатомъ Вашихъ работъ. Мнѣ кажется, что Вамъ весьма важно знать, что цѣлью Вашихъ занятій со мною является не археологически-точная реконструкція итальянскаго театра масокъ, а служить усвоеніе основъ его сценической техники, которая должна помочь выработать Вамъ свои индивидуально-артистическіе способы сценическаго истолкованія.

Въ прошлый разъ я сообщилъ Вамъ сценическое значеніе формулы сценарія „Арлекинъ выходитъ... Панталонъ выходитъ“ ...etc. Сегодня-же я намѣренъ рассказать Вамъ о парадѣ, особомъ видѣ сценическихъ представленій, создавшемся на подмосткахъ ярмарочныхъ французскихъ бала-

гановъ и маленькихъ театриковъ и впоследствии вошедшемъ въ обычный составъ спектаклей итальяно-французскаго происхожденія конца XVII в. и позднѣе.

Я попробую извлечь принципы парада и на основаніи ихъ нарисовать общую схему, можетъ быть страдающую незначительными хронологическими неточностями, но очень удобную, какъ педагогическая фикція, по своей наглядности.

Заль приготовленъ для большого спектакля. Занавѣсъ колыхается: движенія актеровъ, желающихъ какъ можно скорѣе показать свое искусство публикѣ. Звуки музыки: преобладаютъ деревянные и ударные инструменты. Съ двухъ краевъ занавѣса, медленно поднимаясь, вырастаютъ двѣ фигуры. Это два фарсера, назначеніе которыхъ быть зазывателями. Съ барабанами въ рукахъ они вскакиваютъ на возвышеніе и, перебивая другъ друга, кричатъ: „почтеннѣйшая публика! прекраснѣйшія и прелестнѣйшія дамы! благородные кавалеры!“ Рѣчь ихъ, перебиваемая ударами барабана, сводится къ тщательному и подробному, шутовскому перечисленію богатствъ и преимуществъ данной труппы. Они рассказываютъ, что публика увидитъ чудеса, которыхъ никогда не видѣла, что первая актриса обладаетъ гардеробомъ, который съ трудомъ помѣщается на двадцати фургонахъ (причемъ они наглядно демонстрируютъ различныя тряпки сомнительной чистоты), что prima amorosa, которой только восемьдесятъ лѣтъ отъ роду, каждые полчаса покрываетъ свое лицо румянами и бѣлилами, выписанными для сегодняшняго спектакля изъ Мексики и Испаніи, что исполнитель роли Доктора обладаетъ богатой коллекціей клистирныхъ трубочекъ, что Панталонъ носитъ поразительные штаны изъ турецкой ткани и т. д. Окончивъ шутовское перечисленіе, зазыватели смолкли и присѣли на своихъ возвышеніяхъ, чтобы далѣе отдѣльными словами оживлять настроеніе зрительнаго зала. Раздается нѣжная мелодія скрипокъ. На узкой площадкѣ передъ занавѣсомъ появились двое влюбленныхъ: prima amorosa и primo amoroso. Они, прикладывая руки къ сердцу и изъясняясь въ любви другъ къ

другу, должны сейчасъ навѣки соединиться. Но изъ-за середины занавѣса появляется чья-то рука, которая ихъ разъединяетъ. Любовники въ отчаяніи. Изъ середины же занавѣса выбѣгаютъ на просценіумъ вторые персонажи, которые, сидя на корточкахъ, намѣрены смотрѣть представленіе, которое сейчасъ будетъ разыграно. Любовники выходятъ на просценіумъ. Къ нимъ присоединяются старики и слуги. Выносятся ширмочки. Всѣ вмѣстѣ они будутъ разыгрывать пантомиму, въ схемѣ представляющую собою содержаніе главной пьесы. Молодые любовники при помощи слугъ дурчатъ стариковъ. Слуги пользуются удобнымъ случаемъ и каждый изъ нихъ показываетъ публикѣ свой номеръ. Одинъ изъ нихъ, обладающій акробатическими способностями, перескакиваетъ черезъ ширмочки, проваливается сквозь землю при помощи секретныхъ люковъ, вновь появляется, садится на скамейку, которая вдругъ вырастаетъ до исполинскихъ размѣровъ, соскакиваетъ съ нея, дважды перевернувшись въ воздухѣ. Другой, весельчакъ и острякъ по натурѣ, чуждъ эквилибристическихъ познаній и старается снискать любовь у публики веселыми шутками и издѣвками на темы изъ городской жизни вчерашняго дня. Служанка съ бубномъ танцуетъ танецъ, а затѣмъ гадаетъ публикѣ по картамъ, покрытымъ тайными кабаллистическими знаками. Молодые любовники, показывая учтивость и хорошее воспитаніе, встрѣчаясь другъ съ другомъ, чертятъ перьями шляпъ гербы своихъ фамилій и, отдавая надлежащіе поклоны, танцуютъ съ движеніями, полными изысканнаго вкуса. Докторъ предлагаетъ рецепты на случаи различныхъ болѣзней, Панталонъ сообщаетъ о своемъ богатствѣ и чрезмѣрной скупости. Общая схема сыграна. Актеры, сдѣлавъ почтительные поклоны, удаляются за ширмочки, которыя вмѣстѣ со спрятавшимися за нихъ актерами исчезаютъ. Зазыватели опять поднимаются на своихъ возвышеніяхъ и предупреждаютъ публику, что богатство труппы еще не исчерпано. Кромѣ первыхъ актеровъ есть еще вторые персонажи, которые сгораютъ отъ нетерпѣнія, желая показать свои знанія въ

искусствѣ смѣшить. При звукахъ веселой музыки поднимаются вторые персонажи, сидѣвшіе по восточному и, танцуя, занимаютъ небольшую площадку передъ занавѣсомъ. Подобно актерамъ первой категоріи, каждый изъ нихъ предлагаетъ вниманію публики свой очередной номеръ. Первымъ выступаетъ укротитель блохъ. На столѣ, покрытомъ разноцвѣтными лоскутьями, онъ показываетъ со своими животными удивительныя упражненія. Засучивъ рукава своего костюма, онъ кормитъ своею кровью проголодавшихся микроскопическихъ актеровъ. Его мѣсто занимаетъ чародѣй въ остроконечной шапкѣ со звѣздами и драконами, который произноситъ веселыя заклинанія въ пользу актеровъ у публики. Затѣмъ слѣдуетъ номеръ танцовально-вокальнаго характера, гдѣ выступаютъ всѣ, имѣющіеся налицо въ труппѣ, танцовщики, танцовщицы, пѣвицы и пѣвцы. Послѣдними выступаютъ жонглеры, которые продѣлываютъ упражненія мѣдными шариками, желѣзными кругами, покрытыми посерединѣ бумагой и огненной паклей. Номера исчерпаны. Вторые персонажи собираются на узкой площадкѣ у занавѣса, выстраиваются въ шеренгу, идутъ впередъ къ публикѣ, трижды раскланиваются и трижды показываютъ ей носы, а затѣмъ съ гамомъ и криками убѣгаютъ за занавѣсъ, который начнетъ раздвигать актеръ, играющій роль пролога. Представленіе слѣдуетъ.

ВЛАДИМИРЪ СОЛОВЬЕВЪ.

ИСКУССТВО И РЕМЕСЛО.

„Техника“—вѣчный лозунгъ серьезнаго искусства. Она же, однако, и роднитъ искусство съ ремесломъ.

Разграничить области искусства и ремесла по внѣшнимъ признакамъ нетрудно. Только неудовлетворительнымъ для насъ является это разграниченіе, ибо многія съ нашей точки зрѣнія ремесленныя работы официально должны быть отнесены къ произведеніямъ искусства и многое художественно цѣнное придется признать относящимся къ области ремесла.

Истинное искусство въ сущности процвѣтало именно тогда, когда еще не существовало особаго понятія объ искусствѣ, отдѣленномъ отъ ремесла, когда искусство сливалось со всякимъ мастерствомъ, какъ высшею степенью ремесла. Вѣдь удавалось же итальянскимъ стекольщикамъ и Нюрнбергскимъ часовщикамъ создавать изъ своихъ, такъ называемыхъ, предметовъ ремесла настоящія художественныя произведенія.

Мы знаемъ, что всякое искусство базируется на своеобразномъ „ремеслѣ“, коренится въ немъ. Иногда, въ видѣ рѣдкаго цвѣтка (своего рода—Victoria Regia), преобразается это ремесло въ искусство. Чаше же случается наоборотъ: искусство въ силу все прогрессирующаго автоматизма вырождается въ ремесло.

Есть ли данное художественное проявленіе — *копировка*, прямое автоматическое повтореніе позъ и движеній чужихъ, предуказанныхъ „школой“, либо своихъ собственныхъ, или же оно является живой попыткой съ помощью рациональныхъ техническихъ навыковъ дать новое начертаніе тѣмъ подобіямъ переживаній, которыя излучаются духовной фантазіей творящаго — вотъ единственный критерій для различенія произведеній ремесла и искусства. Великая нужна прозорливость, ясновидѣніе, чтобъ найти внѣшнія формы, соотвѣтственныя тайному внутреннему облику человѣка, чтобы творческое созданіе являлось какъ бы новымъ воплощеніемъ художника, его новымъ рожденіемъ на землѣ; и немалый „искусъ“ въ періодъ техническихъ исканій долженъ предшествовать этому рожденію въ искусствѣ. А такъ какъ всякая душа въ любой стадіи ея развитія представляется единственной, то и постоянное воплощеніе ея будетъ вполнѣ оригинально, единственно.

Значительность художественныхъ достижений находится въ зависимости отъ цѣнности личныхъ замысловъ. Сама эпоха въ этомъ отношеніи то приходитъ на помощь къ художнику, то вредитъ ему. Въ античномъ мірѣ, въ средніе вѣка — когда сильное религиозное чувство доводило людей до экстаза, художники легче угадывали душу вещей, созвучную съ ихъ душою, силой своего религиознаго воодушевленія вскрывали они божественный замыселъ въ живомъ и въ мертвомъ, и ихъ религиозное чувство вдохновляло ихъ на созданіе величайшихъ произведеній искусства. Съ другой стороны, въ такіе моменты, какимъ явился у насъ, напримѣръ, конецъ 19-аго столѣтія, искусство, все болѣе совершенствуя технику копировки, постепенно опускалось до ремесла, орудующаго всецѣло „въ физическомъ планѣ“.

Въ настоящее время мы присутствуемъ при новомъ пробужденіи подлиннаго религиознаго инстинкта у художниковъ, видимъ новыхъ подвижниковъ, грезящихъ о всенародномъ искусствѣ, о мистеріяхъ.

Мы вѣримъ, что они раскроютъ намъ новыя вершины творчества и не боимся подвергнуться тому „искусству“, къ которому они насъ призываютъ, проповѣдуя новую технику, ибо здѣсь (мы вѣримъ) техника не подмѣнится снова ремесломъ.

ВЛ. ЛАЧИНОВЪ.

HOFFMANIANA.

3.

Русскіе писатели о Гофманнѣ.

„... покоренный необузданной фантазіи, съ душою сильной и глубокой, художникъ въ полномъ значеніи слова, онъ смѣлымъ перомъ чертилъ какія-то тѣни, какіе-то призраки, то страшные, то смѣшные, но всегда изящные; и эти-то неопредѣленные, набросанныя тѣни—его повѣсти. Обыкновенный, скучный порядокъ вещей слишкомъ тѣснилъ Гофмана; онъ пренебрегъ жалкимъ пластическимъ правдоподобіемъ.

Его фантазія предѣловъ не знаетъ; онъ пишетъ въ горячкѣ, блѣдный отъ страха, трепещущій предъ своими вымыслами, съ всклокоченными волосами; онъ самъ отъ чистаго сердца вѣритъ во все: и въ „песочнаго человѣка“, и въ колдовство, и въ привидѣнія, и этой-то вѣрой подчиняетъ читателя своему авторитету, поражаетъ его воображеніе и надолго оставляетъ слѣды.“

А. И. Герценъ. Знаменитые современники. Гофманнъ
(статья въ журналѣ „Телескопъ“ 1836 г.).

„Все читалъ „Серапіоновыхъ братьевъ“ Гофмана. Чудный и великій геній этотъ Гофманнъ! Въ первый еще разъ понялъ я мыслію его фантастическое. Оно—поэтическое олицетвореніе таинственныхъ враждебныхъ силъ, скрывающихся въ нѣдрахъ нашего духа. Съ этой точки зрѣнія, болѣзненность Гофмана у меня исчезла—осталась одна поэзія. Много объяснилъ я себѣ и самого себя чрезъ это чтеніе. Вспомни повѣсть о

трехъ друзьяхъ—это злая сатира на меня, и именно въ лицѣ того, которому отецъ мнимо-возлюбленной его явился въ колпакѣ, съ букетомъ, читая его письмо. Вообще, Серапионовскій кругъ напомнилъ мнѣ нашъ московскій—и много сладкихъ и грустныхъ ощущеній прошло по моей душѣ. Что за чудесная вещь—Синьоръ Формика! Да все хорошо, даже и любовь свеклы къ дочери астронома—прелесть. Это не художественная поэзія, какъ поэзія Шекспира, Вальтеръ-Скотта, Купера, Пушкина, Гоголя, но и не совсѣмъ рефлексированная, а что-то среднее между ними, и Гофманъ прекрасно вздумалъ сдѣлать изъ нея новѣйшую „Тысячу и одну ночь“, заставивъ друзей читать другъ другу свои повѣсти и разсуждать о нихъ. Хочетъ перечестъ его „Что пѣна въ винѣ, то сны въ головѣ“. — Альбано не фантазмагорія, а дѣйствительность: теперь я это знаю. Но объ этомъ послѣ, а ты сперва скажи, какъ тебѣ кажется мое мнѣніе. Вообще, я страстно полюбилъ Гофмана, не разстался бы съ нимъ, а о драмахъ Шиллера такъ и вспомнить тошно.“

Б ѣ л и н с к і й. Изъ письма къ В. П. Боткину отъ 16 апрѣля 1840 г. Письма, т. II, стр. 107.

„...Гофманъ всегда останется въ своемъ родѣ человѣкомъ гениальнымъ, какъ Сервантесъ, какъ Стернъ; и въ моихъ словахъ нѣтъ преувеличенія, если слово гениальность однозначительно съ изобрѣтательностью; Гофманъ же изобрѣлъ особаго рода чудесное... Гофманъ нашелъ единственную нить, посредствомъ которой этотъ элементъ можетъ быть въ наше время проведенъ въ словесное искусство; его чудесное всегда имѣетъ двѣ стороны: одну чисто фантастическую, другую—дѣйствительную; такъ что гордый читатель XIX-го вѣка нисколько не приглашается вѣрить безусловно въ чудесное происшествіе ему разсказываемое; въ обстановкѣ разсказа выставляется все то, чѣмъ это самое происшествіе можетъ быть объяснено весьма просто... Естественная склонность человѣка къ чудесному удовлетворена, а вмѣстѣ съ тѣмъ не оскорбляетъ и пытливый духъ анализа; помирить эти два противоположные элемента было дѣломъ истиннаго таланта“.

К н. В. Ѳ. О д о е в с к і й. Русскія ночи. Примѣчаніе (по изд. 1913 г. М.).

„...но для чего же ты
По прежнему, о призракъ мой крылатый,
Слетаешь изъ воздушныхъ странъ мечты
Въ печальный, запустѣніемъ объятый,
Заглохшій міръ, гдѣ желтые листы
Хрустя шумятъ, стопой тяжелой смяты;
Сіяя вся какъ вешніе цвѣты
И дѣвственна, какъ ликъ Аннунціаты,
Прозрачно-свѣтлый Догарессы ликъ,
Что изъ паровъ и чада опьяненя,
Изъ кнастернаго дыма и круженя
Предъ Гофманомъ какъ свѣтлый сонъ возникъ...“

А п. А. Г р и г о р ь е в ѣ. *Venezia la bella*. Поэма („Современникъ“ 1858 г., 12).

Г. Ф. ЦЕРЕТЕЛИ. НОВЫЯ КОМЕДИИ МЕНАНДРА.

(Юрьевъ. 1914).

Когда пески Египта подарили намъ въ числѣ другихъ папирусныхъ находокъ большіе отрывки загадочнаго до тѣхъ поръ Менандра, мы почувствовали возможность продолжить нить развитія, ведущую отъ Мольера черезъ испанскую и итальянскую комедію къ комедіи римской—Плавта и Теренція, вплоть до времени Еврипида и Аристофана, ибо въ нашихъ рукахъ оказались прекрасные образцы ново-аттической комедіи второй половины четвертаго вѣка.

Этому ново-открытому Менандру посвящена книга одного изъ крупнѣйшихъ папирологовъ міра, юрьевского профессора Церетели. О большихъ научныхъ достоинствахъ ея, давшихъ автору званіе доктора, здѣсь говорить не мѣсто — для всѣхъ близкихъ къ театру книга эта важна прежде всего стихотворнымъ и точнымъ переводомъ комедій. Любопытна и попытка дать характеристику Менандра. Авторъ отмѣчаетъ рѣзко бытовую струю въ творествѣ этого комика, думается мнѣ, немало смѣшивая реализмъ съ натурализмомъ, черты котораго въ комедіяхъ Менандра незамѣтны.

Къ повседневному на сценѣ приближался послѣдній изъ трехъ великихъ трагиковъ — Еврипидъ. Родство комедій Менандра съ его трагедіями, на первый взглядъ очень странное, справедливо выдвигаетъ намъ авторъ (впрочемъ см. уже Aem. Sehrt, De Menandro Euripidis imitatore, 1912). Однако, надо замѣтить, что постоянные мотивы Менандровой и римской комедіи—выкидываніе изъ дому младенцевъ, узнаваніе по случайнымъ примѣтамъ и т. д.—коренятся еще въ трагедіи Софокла, которому не малымъ обязанъ Менандръ.

Но колоссальную роль Аристофана въ творествѣ Менандра пр. Церетели напрасно затемняетъ: вѣдь не только отдѣльные примѣры, какъ осада дома въ „Отрѣзанной косѣ“, высмѣиваніе современниковъ и пародированіе стиховъ Еврипида (стихъ 119) въ „Саміянкѣ“ свидѣлствуютъ о связи съ древней комедіей, но и вообще элементъ смѣха, столь явный и у Теренція, этого „alter ego“ Менандра. „Если Еврипидъ отецъ менандровой комедіи, то мать ея—комедія древняя“, справедливо говоритъ Sehrt. Нельзя поэтому реконструировать, напримѣръ, „Героя“ такъ, какъ это дѣлаетъ пр. Церетели. Признавъ въ безнадежно

влюбленномъ рабѣ главное дѣйствующее лицо и въ его душевныхъ переживаніяхъ средоточіе дѣйствія мы не могли бы почувствовать, что вся комедія пришла къ доброму исходу, разъ именно онъ остался обманутымъ и несчастнымъ.

Думаю, что на двойной источникъ ново-аттической комедіи определенно указываютъ и археологическія данныя: мы видимъ у Менандра явное совмѣщеніе двухъ типовъ масокъ—„трагической“, съ небольшимъ четырехугольнымъ ртомъ у юношей и дѣвушекъ, и явно комической, съ непомерно растянутымъ ртомъ, зачастую съ лысиной и вздернутымъ носомъ у стариковъ и рабовъ (см. Dieterich, Pulcinella, p. 49). Такое совмѣщеніе двухъ типовъ масокъ дошло до позднѣйшихъ постановокъ Плавта и Теренція, какъ о томъ свидѣлствуютъ иллюстраціи къ постановкамъ Теренція (См. Album Terentianum, ed. Wageningen—этотъ удивительно богатый матеріалъ для изученія своеобразнѣйшей пластики римскихъ актеровъ, поистинѣ заслуживающій стать настольной книгой актеровъ современныхъ).

Вообще, привлеченіе археологическихъ данныхъ для изученія Менандра, отъ котораго намъ сохранилось такъ мало, крайне желательно; было бы очень интересно попытаться найти подходящую маску къ каждому дѣйствующему лицу Менандра, руководствуясь хотя бы Поллуксовымъ каталогомъ масокъ, который какъ разъ за послѣднее время такъ хорошо разобранъ маститымъ нѣмецкимъ ученымъ—Робертсмъ (С. Robert. Die Masken der neueren attischen Komödie, 1911). Быть можетъ, привлеки въ полной мѣрѣ этотъ матеріалъ и постоянно имѣя въ виду тѣснѣйшую связь творчества драматурга съ условіями современной ему сцены, пр. Церетели долженъ былъ бы придти къ нѣсколькимъ выводамъ: быть можетъ, онъ не сталъ бы считать Менандра нарушителемъ традицій, а призналъ бы, что индивидуальныя черты, внесенныя въ типы масокъ обогащаютъ ихъ, но не разбиваютъ.

СЕРГѢЙ РАДЛОВЪ.

ХРОНИКА.

Въ воскресенье 9 марта въ залѣ Калашниковской биржи состоялся подъ предѣдательствомъ барона Н. В. Дризена диспутъ на тему „Кинематографъ и театръ“. Докладчикомъ выступилъ Ю. Э. Озаровскій, который, раздѣливъ театръ на два вида (театръ господствованія и театръ подчиненія), отрицательно отнесся къ кинематографу. Въ защиту послѣдняго выступилъ Л. М. Василевскій, съ цифрами въ рукахъ пытавшійся доказать, что кинематографъ—искусство, если его ходятъ смотрѣть миллионы людей. Вс. Э. Мейерхольдъ, цитируя статью Л. Андреева изъ послѣдняго сборника „Шиповникъ“, доказалъ, что боязнь захвата кинематографомъ театра вытекаетъ изъ ложной посылки: театръ—совокупность психологическихъ драмъ. По мнѣнью Вс. Э. Мейерхольда кинематографъ отнюдь не страшенъ новому театру. Затѣмъ говорили К. И. Арабажинъ, В. В. Чеховъ, А. I. Гидони, Вл. Н. Соловьевъ, кн. С. М. Волконскій и Б. С. Глаголинъ.

Р. М. Сенявинъ перевелъ комедію Мариво „Le petit maitre corrige“. Комедія будетъ издана отдѣльно съ введеніемъ „Мариво и французская комедія XVIII в.“

Въ апрѣлѣ текущаго года исполнилось 350 лѣтъ со дня рожденія Шекспира. Ко дню юбилея въ Берлинѣ въ изданіи Эрнста Гофмана выходитъ изслѣдованіе Юганна Шмидта, посвященное анализу произведеній англійскаго трагика.

Московскій Художественный театръ принялъ къ постановкѣ новую комедію И. Сургучева, первая пьеса котораго „Торговый домъ“ прошла въ Петербургъ безъ успѣха, несмотря на прекрасную игру М. Г. Савиновой и П. И. Лешкова.

„Студія“ при Московскомъ Художественномъ театрѣ, отыскивающая новые сценическіе пути, поставила въ Петербургъ пьесы Гауптмана и Гейрманса.

Вышли въ свѣтъ 1-й и 2-й выпуски „Дневниковъ Писателей“ подъ редакціей Федора Сологуба.

Въ залѣ СПБ. Губернской управы по инициативѣ Общества содѣйствія дошкольному воспитанію дѣтей состоялся въ субботу 15 марта диспутъ о дѣтскомъ театрѣ. Слѣдуетъ отмѣтить, что изъ числа докладчиковъ А. И. Кочукова указывала на импровизованные дѣтскіе спектакли и на пантомиму, какъ на наиболѣе доступные дѣтямъ виды сценическаго искусства. Н. Н. Бахтинъ говорилъ о театрѣ марионетокъ и объ общедоступности фигуръ въ родѣ Касперля. К. А. Вогакъ сказалъ нѣсколько словъ о ребенкѣ, какъ актерѣ, о присутствіи элемента искренности, элемента творческаго превращенія въ изображаемое въ игрѣ ребенка и въ игрѣ актера.

Въ залѣ Тенишевскаго училища въ пон. 17 марта французскій поэтъ Поль Форъ прочелъ лекцію о героическихъ временахъ символизма во Франціи. Поль Форъ рассказалъ о первыхъ шагахъ символическаго театра въ формѣ личныхъ воспоминаній.

Въ воскресенье 30 марта въ аудиторіи Тенишевскаго училища состоялось публичное собраніе, устроенное членами редакціи журнала „Любовь къ тремъ апельсинамъ“. Произнесли рѣчи: Вольмаръ Люсцинусъ—„Синьоръ Гольдони, графъ Гоцци, аббатъ Кьяри“; К. А. Вогакъ—„Театральныя маски“; В. П. Веригина—„Фантастическій театръ“; К. М. Миклашевскій—„Итальянское возрожденіе и театръ“; Е. А. Зносковоровскій—„Импровизація“; К. К. Кузьминъ-Караваевъ—„Театральныя эмоціи“; Вс. Э. Мейерхольдъ—„Гротескъ“.

Съ 7-го по 11-е апрѣля въ аудиторіи Тенишевскаго училища состоялись спектакли, устроенные редакціей журнала „Любовь къ тремъ апельсинамъ“; исполнялись лирическія драмы Александра Блока „Незнакомка“ и „Балаганчикъ“ съ музыкой М. А. Кузмина. Интермедіей спектакля являлся выходъ китайчатъ-жонглеровъ. Художникъ—Ю. М. Бонди.

Занятія въ Студіи Вс. Э. Мейерхольда прекращаются 1-го мая и возобновятся въ серединѣ августа текущаго года.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ВЪ ПЕРВЫХЪ ДВУХЪ КНИГАХЪ ОПЕЧАТКИ.

Книга 1-ая.			
Стр.	строчка сверху.	строчка снизу.	Вмѣсто: Напечатано:
2			интерпретаціи стиха у русскихъ композиторовъ. интерпретаціи у русскихъ композиторовъ.
6	1		1913 1914
13		7	scène'ы scèn'ы
36		13	объ личности двухъ личностей
41		11	дѣвушекъ—невъразимы дѣвушекъ невъразимы
55	19		жаркая жалкая
60	4		мелодіи мелодій
Книга 2-ая.			
55	5		сложенную сожженную
55	10		Meister Mister
57	5		восьмисотые восьмистопные
57	14		доказывать указывать
57	17		ложемъ моремъ
58	18,19		такія свѣдѣнія общеизвѣстны и не нуждаются въ повтореніи, такія свѣдѣнія, общеизвѣстно, нуждаются въ повтореніи.
66	13		М. Ф. Г, М. Г. Ф.

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ 1-ОЙ:

Стихи: А. Ахматовой, А. Блока, Ю. Верховскаго и Вл. Пяста. — Владиміръ Соловьевъ. Къ исторіи сценической техники commedia dell'arte. — Самуиль Вермель. Моментъ формы въ искусствѣ. — Любовь къ тремъ апельсинамъ. — М. Ф. Г. Образцы ритмической интерпретаціи стиха у русскихъ композиторовъ. — К. Вогакъ. „Роза и Крестъ“. — Hoffmanniana (1—Вл. Княжнина). — Студія. — Хроника. — Errata.

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ 2-ОЙ:

Стихи: З. Н. Гиппиусъ, Э. Сологуба и Вл. Княжнина. — Подрячикъ оперы въ острова канаріскіе (переводъ В. К. Трѣдіаковскаго). — Вс. Мейерхольдъ, Ю. Бонди. Балаганъ. — Вл. Соловьевъ. Къ исторіи сценической техники commedia dell'arte, 2. — — ст. — Тирсо де Молина и испанскій театръ. — Самуиль Вермель. Иронія и театральность. — Вл. Соловьевъ. „Турандотъ“ гр. К. Гоцци на русской сценѣ. — К. А. Вогакъ. Къ постановкѣ комедій Мольера „Ученныя женщины“ и „Продѣлки Скапѣна“ на сценѣ Михайловскаго театра. — Hoffmanniana. — С. Радловъ. О трагедіяхъ Софокла въ переводѣ Э. Ф. Зѣлинскаго. — Евг. Зноско-Боровскій. Константинъ Эрбергъ. „Цѣль творчества“. — Анаст. Чеботаревская. О театральныхъ диспутахъ. — Студія. — Хроника. — Errata.

1. Не принятыя для журнала рукописи сохраняются три мѣсяца. Авторы могутъ получать ихъ обратно лично или доставлять на ихъ пересылку (заказной бандеролью) почтовыя марки.

2. При перемѣнѣ адреса подписчики благоволятъ присылать 40 коп.

ЛЮБОВЬ КЪ ТРЕМЪ АПЕЛЬСИНАМЪ. ЖУРНАЛЪ ДОКТОРА ДАПЕРТУТТО.
1914. Книга 3—4-ая. Годъ изданія первый.

ЛЮБОВЬ КЪ ТРЕМЪ АПЕЛЬСИНАМЪ ЖУРНАЛЪ ДОКТОРА ДАПЕРТУТТО

(О ТЕАТРѢ)

Выходитъ въ С.-Петербургѣ

съ 1914 г., въ количествѣ 7—10 книжекъ въ годъ
не менѣ двухъ печатныхъ листовъ каждая, фор-
мата in—16⁰, безъ установленной періодичности.

3 рубля

(изъ-за границы 6 рублей)

годовые подписчики присылаютъ: Спб., Театральная
площ., 2 (Журналъ Доктора Дапертутто), или
лично вносятъ: въ С.-Петербургѣ, въ Студіи Вс. Эм.
Мейерхольда, Троицкая, 13, кв. 8 (понед., среда и
пятница, 4—7 ч.) и въ квартирѣ редакціи (еже-
дневно, 12—3 ч. дня); въ Москвѣ: Армянскій пер.,
9, кв. 20 (ежедневно 2—5 ч. дня).

Подписка, кромѣ того, принимается въ книжныхъ
магазинахъ С.-Петербурга: у Вольфа, Карбасникова,
Мелье, Митюрникова, Попова (Яснаго), Суворина,
Сытина; въ Москвѣ, у Чекато (Камергерскій пер.).

Отдѣльныя книжки (50 к.) въ Студіи, у издателя,
въ кіоскахъ и книжныхъ магазинахъ.

Редакція открыта по воскресеньямъ (4—6 ч.),
Театральная площадь, 2.

Редакторъ-Издатель: *Вс. Мейерхольдъ.*

Цѣна книги 3-ей 50 коп.

ЛЮБОВЬ КЪ ТРЕМЪ АПЕЛЬСИНАМЪ. ЖУРНАЛЪ ДОКТОРА ДАПЕРТУТТО.
1914. Книга 3—4-ая. Годъ изданія первый.

Вышли №№ 1 и 2 журнала новаго типа, подъ редакціей
и при ближайшемъ участіи Эдора Сологуба

„ДНЕВНИКИ ПИСАТЕЛЕЙ“

Журналъ выходитъ ежемѣсячно тетрадками не менѣ
1 печ. листа. Къ участію привлекаются поэты, беллетристы
и критики. Задача журнала—знакомить читателей съ совре-
менными взглядами писателей на событія искусства и жизни—
въ свободной формѣ дневниковъ и замѣтокъ.

Подписка (2 р. за 12 №№) въ редакціи: Разъѣзжая, 31,
кв. 4, отъ 3—6 дня.

КОНСТ. ЭРБЕРГЪ.

ЦѢЛЬ ТВОРЧЕСТВА.

ОПЫТЫ ПО ТЕОРИИ ТВОРЧЕСТВА И ЭСТЕТИКЪ.

Стр. X+256. Цѣна 1 р. 75 к.

Книгоиздательство „РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Нюстадская, 6.

1913.

СОДЕРЖАНІЕ: Цѣль творчества. (Часть I. Человѣкъ - творецъ.
Часть II. Творческій процессъ въ наукѣ и искусствѣ. Часть III. Пре-
существованіе).—Красота и свобода.—Цвѣты и кристаллы.—Искусство-
вожатый.—Тишина.—О воздушныхъ мостахъ критики.—Путь и цѣль въ
искусствѣ.—Дитя и гений.

КНИГИ

изд. С. А. Козловскаго для самообученія: Рѣш.
и подробн. объясн. 2—10-ю спос. всѣхъ арием.,
алгеб., геомет., триг. и анал. зад. сборниковъ:
1) Верещагина; 2) Малинина и Бур.; 3) Голь-
денберга; 4) Евтушевскаго ч. ч. I и II; 5) Арбу-
зова и К⁰; 6) Шапошникова и Вальцова; 7) Ки-
селева; 8) Сорокина; 9) Рыбкина; 10) Кліоновскаго; 11) Минина; 12) Ву-
лиха; 13) Давидова; 14) Бычкова; 15) Стеблова; 16) Злотчанскаго; 17)
Воинова; 18) Горячева и др. Скидка 20% при Вашей перес. Подроб.
объявл. съ образц. рѣш. зад. высылаю бесплатно. Выписывать исключ.
по адресу: *Бѣлая-Церковь, Кіев. губ., С. А. Козловскому.*

любовь къ тремъ апельсинамъ. журналъ доктора дапертутто.
1914. Книга 3—4-ая. Годъ изданія первый.

Открыта подписка на 1914 годъ:

двухнедѣльный журналъ литературы, искусства, театра

„МУЗЫ“

При ближайшемъ участіи мѣстныхъ и столичныхъ литературныхъ силъ. Зарисовки, шаржи собственныхъ постоянныхъ художниковъ, фотографіи постановокъ и декораций, артистокъ и артистовъ. Беллетристика (миніатюры), критика, мѣстная, иногородняя и заграничная информация художественной, литературной и театральной жизни. „Момусъ“—злбодневный отдѣлъ сатиры и пародіи.

Подписная плата: Съ доставкой и пересылкой, для Кіева: на годъ 3 р. 50 к.; на 1/2 года 2 руб.; на 1/4 года 1 руб. 50 коп.; для другихъ городовъ: на годъ 4 руб.; на 1/2 года 2 руб. 50 коп.; на 1/4 года 2 руб.

Отдѣльный номеръ въ продажѣ 15 коп.

Контора и редакція: Кіевъ, Костельная, домъ № 1, кв. 16.

ВЪ СКОРОМЪ ВРЕМЕНИ ВЫЙДЕТЪ НОВАЯ КНИГА:

К. М. Миклашевскій.

ТЕАТРЪ ИТАЛЬЯНСКАГО ВОЗРОЖДЕНІЯ.

Часть I-я.

La Commedia dell'Arte.

Около 300 страницъ текста, библиографическій указатель, сценаріи, иллюстраціи.

Изданіе Н. И. БУТКОВСКОЙ.

ДИМИТРІЙ КРЮЧКОВЪ.

„ЦВѢТЫ ЛЕДЯНЫЕ“.

Вторая книга стиховъ. Изд. „Очарованный странникъ“, цѣна 35 к.

„ПАДУНЪ НЕМОЛЧНЫЙ“.

Первая книга стиховъ. Изд. „Петербургскій глашатай“. цѣна 50 к.

Готовятся къ печати: „Синь огнетворящая“, „Лапландскіе стихи“, „Аллея поющихъ тонко фонарей“, „Взмахъ кадила“, „Голубокрылый бегемотъ“.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ.

Цѣна 3-й книги 50 коп.

